

МИАНА

КОД

книга первая

18+

КОД

Миана Кафи

КОД

«Автор»

2026

Кафи М.

КОД / М. Кафи — «Автор», 2026 — (КОД)

Ида Лёдова лучший детектив в отделе «Кибер-алхимия». Лёд, за которым нет промахов. 20 лет она идёт по следу хакера-призрака, но он не оставляет следов, только код, который невозможно расшифровать и подпись «ТОК». Его код способен взламывать не только системы, но и человеческие души. Она думает, что наконец-то поймала его. А он думает только об одном, как коснуться её. Игра, в которой проигравший получает больше, чем победитель. «Ты искала меня двадцать лет, Ида. А я искал тебя всю жизнь». Встреча назначена. Приходи одна. (С иллюстрациями.)

© Кафи М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	54
Глава 7	61
Глава 8	70
Гл	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Миана Кафи

КОД

Глава 1

Допрос заканчивался тишиной, так же, как и начинался.

Ида сидела напротив человека, которого официально называли «субъектом» и неофициально «мусором». Евгений Польский, тридцать один год, три судимости, пальцы в синяках от магнитных браслетов. Он смотрел в стол и думал, что молчание его спасёт.

Она дала ему ещё тридцать секунд.

Потом медленно положила ладонь на стол, как кладут не руку, а приговор.

— Польский. Ты два часа говоришь, что ничего не знаешь про «Нейронные зеркала». Хорошо. Я тебе верю.

Он поднял глаза и это было ошибкой.

— Но вот в чём штука. — Ида повернула к нему планшет. — Ты был в секторе С9 в ночь с тринадцатого на четырнадцатое. Тут твой жетон метро, три геометки и звонок матери в 23:47. А в С9 в ту ночь подключили нелегальный ретранслятор класса «Зеркало». Просто совпадение, я понимаю.

Польский сглотнул.

— Так что давай по-другому. Не про «Зеркала», окей. Ты про «ТОК» что-нибудь слышал?

И вот тогда он вздрогнул.

Едва заметное движение, плечо чуть сжалось, пальцы дёрнулись к запястью. Ида это увидела. Она всегда видела такие вещи, не потому что умная, а потому что давно перестала смотреть на людей как на людей. Теперь они были для неё системами. Со своими сбоями.

— Не слышал, — сказал он.

— Конечно.

Она встала. Застегнула верхнюю пуговицу пиджака, всегда расстёгивала одну, когда входила в комнату допроса, не понимала почему, просто привычка, и направилась к двери.

— Лёдова.

Польский говорил тихо, почти беззвучно.

— Если вы ищете «ТОК»... — Он не договорил и сглотнул. Потом всё-таки договорил: — Это не человек. Это не группировка. Это... я не знаю, что это. Но те, кто с ним работал, они потом не те.

— В каком смысле — не те?

— Пустые, — сказал он. — Как будто кто-то вытащил что-то изнутри.

Ида посмотрела на него ещё секунду. Потом вышла.

В коридоре она остановилась у окна. Лампы едва слышно гудели, где-то вдалеке хлопнула дверь. За стеклом раскинулся серый осенний город: дождь гнал людей под зонты, загонял в метро, в кафе, в чужие объятия. Ида прислонилась спиной к холодной стене и закрыла глаза — всего на пять секунд. Ровно столько, чтобы вернуть контроль. Затем снова стала собой — Идой Лёдовой.

«Пустые» Это слово она знала слишком хорошо.

Двадцать лет назад она тоже стояла у окна. В больничном коридоре и смотрела, как дождь смывает следы с асфальта. Тогда она думала, что, если бы была старше, если бы понимала тогда, если бы...

Отдел «Кибер-Алхимия», специализированное подразделение по расследованию преступлений с использованием запрещённого нейро-кода, располагался в деловом центре города, на 17 этаже в одном из небоскрёбов с панорамными окнами. Рабочее место Иды было у дальней стены, за стеклянной перегородкой. Никаких лишних предметов на столе: линзы в футляре, кружка с холодным кофе, которую она забывала выпить каждое утро, папка с делами.

Она надела линзы и мир сразу изменился.

Это трудно объяснить тем, кто никогда не работал с техномагической визуализацией. Примерно как объяснять цвет слепому, можно говорить про длину волны, но это не то. Линзы вскрывали структуру. Поверх обычного сине-серого офиса возникала другая реальность: светящиеся нити тянулись от точки к точке, пульсировали там, где связь была сильной, почти гасли там, где след обрывался. Каждое расследование — это паутина. Ида плела её в воздухе, двигая пальцами, перетаскивая узелки-улики, разрывая ложные связи.

Дело «Польский» она закрыла за восемь минут. Субъект мелкий, никому особо не нужный. Передать в следственный отдел, пусть разбираются сами.

— Ида Сергеевна.

Она обернулась. Молодой стажёр, кажется, Павел, протягивал ей папку. Руки его слегка дрожали, он уже слышал, что из её кабинета выходят не люди, а тени.

— Новое дело, гриф «особой важности». Шеф сказал, только вам.

Она взяла папку, не глядя на него и начала читать без особого интереса — ещё один нелегализованный код, ещё один пострадавший. Стажёр замаялся, но не уходил.

— Что-то ещё? — спросила она, не поднимая глаз.

— Там... там правда важно. Жертва — важная фигура. Говорят, почерк похож на преступления двадцатилетней давности. Те самые, которые вы...

Она подняла на него взгляд серых, холодных, как вода в проруби, глаз.

— Которые я?

Он побледнел и исчез. Ида прочла ещё раз. Потом сняла линзы и прочла третий раз, уже просто глазами, просто текст, просто буквы.

Гриф, подписи, даты.

Код типа 7Ф.

Ида не дышала примерно десять секунд. Код типа 7Ф она видела один раз в жизни. В деле, которое официально было закрыто, неофициально засекречено.

Код 7Ф — это не просто взлом системы, это взлом человека. Он работает через нейронные интерфейсы, через те самые линзы, через импланты дополненного восприятия. Проникает, пока ты смотришь на мир через магический слой. Что именно он делает официально неизвестно. Неофициально — перезаписывает что-то в структуре личности. Что-то глубокое, что даже сам человек не замечает сразу.

Ида долго смотрела на экран.

Потом перешла к прикрепленным файлам.

Фотография мужчины лет пятидесяти, бесцветные глаза. Она узнала его. Андрей Воронов, 52 года. Биофизик, специалист по нейро-интерфейсам. Работал в лаборатории двадцать лет назад. Видел код и возможно знал, кто его запустил. Молчал всё это время.

Снимки с места. Квартира обычная, ничего особенного, никаких следов проникновения. Только на стене над рабочим столом что-то написано. Маркером, крупно и неровно, будто в спешке или может быть даже в трансе.

Она увеличила снимок.

На стене было одно слово.

ТОК.

Ида перевернула страницу. Перед ней лежал отчет с места происшествия.

Квартира в старом доме. Поражала стерильная чистота, словно помещение специально подготовили к осмотру. На кровати лежало тело мужчины. По всем показателям он был жив и здоров: дыхание ровное, пульс стабильный, все физиологические функции в норме. Но взгляд устремлён в стену, на вопросы он не реагировал. Пустой.

Соседка обнаружила его утром: обеспокоенная тем, что он не открыл дверь, она вызвала полицию. Дверь оказалась заперта изнутри. Система умного дома функционировала в автономном режиме, сбоев не обнаружено, никаких внешних вмешательств на первый взгляд не было. Но код проник именно через неё: не через имплант, не через прямое подключение, а опосредованно — через сеть. Невидимая атака, оставляющая видимый след в сознании жертвы.

Ида закрыла папку и направилась в общий зал. Помещение было пустым, лишь мониторы тихо гудели, высвечивая схемы, коды и карты города. Эти изображения она перебирала сотни раз, но сейчас они казались особенно чужими, словно потеряли привычную логику.

Она подошла к доске, где висели материалы старых дел. Взгляд скользил по датам, отметкам, фотографиям — всему тому, что составляло двадцать лет её поисков. Двадцать лет тупика. Двадцать лет погони за следом, который неизменно обрывался в пустоте. Каждый раз всплывал один и тот же код, каждый раз на месте имени зияла пустота.

Ида всмотрелась в фотографии, которые знала наизусть. Лица, когда-то живые и полные мыслей, теперь растворились в пустоте. Глаза, прежде отражавшие эмоции, перестали видеть мир — они смотрели сквозь него, будто за грань реальности. И среди всего этого хаоса было одно имя, которое не исчезало из её памяти.

Воронов.

Он значился в списке сотрудников лаборатории, работал рядом с её отцом. В памяти всплыли обрывки разговоров, намёки, недосказанные фразы — всё то, что теперь обретало новый смысл.

Она сжала лист бумаги, который держала в руках. Это была старая фотография: лаборатория, группа людей в белых халатах. В центре стоял её отец, тогда он был ещё молодым, с горящим взглядом. Тогда он искренне верил, что код способен спасти жизни, облегчать страдания, открывать новые горизонты. Чуть позади, в тени, стоял Воронов, он выглядел спокойным и сосредоточенным, с едва заметной улыбкой, в которой читалось что-то неуловимо тревожное.

Он знал больше, чем говорил. И молчал двадцать лет.

Теперь он замолчал навсегда.

Её вызвали к шефу через час.

Шеф сидел за столом и перебирал бумаги. Он даже не поднял головы, когда Ида вошла в кабинет. В воздухе витало едва уловимое напряжение.

— Воронов — значимая фигура, Ида, — произнёс он негромко, всё ещё не глядя на неё. — Он мог пролить свет на старые дела, дать ответы, которые мы ищем уже много лет. Теперь он ничего не скажет.

— Я знаю, — коротко ответила Ида, стараясь сохранить ровный тон.

— Дело зашло в тупик, — шеф наконец поднял голову и посмотрел на неё. В его взгляде читалась усталость, смешанная с тревогой. — Мы не можем больше рисковать. Слишком много поставлено на кон. Я отправил запрос на привлечение оперативно-следственной группы.

Ида молча смотрела на его руки, он продолжал машинально перебирать листы, будто это помогало собраться с мыслями. Она знала: каждое решение даётся ему нелегко, особенно когда речь идёт о делах с грифом «особой важности».

— Мне не нужна группа, — твёрдо сказала она.

Шеф отложил бумаги и теперь смотрел на неё в упор, пристальным, изучающим взглядом, словно пытался прочесть что-то в её глазах.

— Код типа 7Ф, Ида, — произнёс он медленно, выделяя каждое слово. — Он снова здесь. Спустя двадцать лет кто-то его активировал, и Воронов опустел.

Шеф сделал короткую паузу, давая ей осознать сказанное.

— Ты ведь понимаешь, что это значит?

Она, конечно, понимала, в груди что-то сжалось. Код 7Ф не мог вернуться случайно. Его активация означала одно: кто-то целенаправленно ведёт свою игру, и ставки в ней — человеческие судьбы.

— Теперь ты не одна, Ида, — повторил шеф, и в его голосе прозвучала непривычная мягкость. — Мы возьмём это под контроль. Ты не должна тащить всё на себе.

Ида чуть склонила голову, принимая его слова, но в глазах по-прежнему читалась решимость. Она знала: какими бы ни были ресурсы группы, это расследование она должна довести до конца. Лично. Потому что за ним не просто преступление. За ним — ответы на вопросы, которые мучили её два десятилетия.

Ночь опустилась на город бесшумно, окутав улицы тёмным покрывалом. Ида сидела в своём кабинете, не зажигая света, лишь экран её личного ноутбука отбрасывал бледный свет на её сосредоточенное лицо. В сотый раз она пересматривала файлы из папки Воронова, вглядываясь в каждую деталь, будто надеялась отыскать то, что ускользнуло раньше.

Код завораживал. Ида ненавидела себя за эту мысль, но не могла её прогнать: код действительно был красив. Так пишут только те, кто чувствует его изнутри, кто видит не набор инструкций, а живую структуру. Этот код создали с любовью, с жестокой, извращённой любовью к своему ремеслу, где совершенство формы шло рука об руку с разрушительной силой.

Она надела линзы и погрузилась в работу, начиная ткать привычную паутину связей. Нити тянулись медленно, неохотно — дело оказалось сложным, улики разрозненными, а связи между ними едва угадывались. Ида двигала пальцами в воздухе, переставляла виртуальные узлы, подтягивала слабые ниточки ближе к центру. Постепенно хаотичный набор данных начал складываться в единую картину.

Пострадавший аналитик работал с материалами закрытого тендера — государственного проекта по строительству нового нейросетевого узла. На первый взгляд, обычная бюрократия, рутина. Но в структуре данных, с которыми он имел дело, скрывалось что-то ещё. Что-то, что не предназначалось для его глаз, — однако он это обнаружил. Судя по рабочим логам, за три дня до инцидента аналитик внезапно переключился на другие файлы, начал изучать то, что не входило в его обязанности.

Искал что-то конкретное. Нашёл. И после этого опустел.

Ида сняла линзы и устало потёрла переносицу. Шрам на безымянном пальце левой руки начал гореть — едва заметный след от старого ожога, полученного в тринадцать лет, когда она впервые попыталась взломать защищённый сервер. Воспоминание мелькнуло и исчезло, оставив после себя лишь лёгкую горечь.

Она уже собиралась уходить: встала, потянулась, начала застёгивать пальто. И в этот момент заметила, что строка кода, которую она изучала, вдруг начала меняться. Буквы перестраивались сами собой, складываясь в новые сочетания. На экране появилась надпись:

«Ты ищешь меня двадцать лет, Ида. А я искал тебя всю жизнь».

Ида огляделась, но вокруг не было ничего подозрительного, только привычный интерьер кабинета, погружённый в полумрак. Когда она снова посмотрела на экран, послание уже исчезло. Код вернулся к прежнему виду, словно ничего и не происходило.

Но в самом низу страницы горели несколько строк, которых минуту назад там не было. Координаты, дата и время. Ида сразу узнала район: промышленная зона на северо-востоке, старые кварталы, ещё не снесённые под новое строительство.

Завтра, 3:00.

Приходи одна.

Несколько мгновений она просто стояла вглядываясь в экран, будто надеясь, что сообщение исчезнет, окажется ошибкой системы. Но строки оставались на месте.

Затем Ида положила телефон в карман, застегнула последнюю пуговицу пальто и вышла из отдела. В лифте она была одна, только металлическая дверь отражала её собранный силуэт, готовый к чему угодно.

Отражение смотрело на неё строго, контролирующе. *Лёдова*. Всё правильно. Она Лёдова.

Она не спала всю ночь. Сидела в глубоком кресле у панорамного окна, неотрывно смотрела на город внизу. Огни отражались в стекле, множились и подрагивали, создавая причудливую игру света. Ноги она поджала под себя, а на коленях лежала старая фотография.

На снимке изображены две девочки, обнимающиеся на фоне моря. Одна смеётся, зажмурившись от солнца, её плечи подрагивают от искреннего веселья. Вторая, та что помладше, серьёзно смотрит прямо в камеру, будто уже тогда осознавала свою роль: быть опорой, защищать тех, кто рядом.

Ида провела пальцем по изображению младшей девочки. В горле встал ком. Она не защитила. Ни тогда, ни позже, когда это стало по-настоящему важно. Теперь она знала её имя. Знал, что она его ищет. Знал, где она живёт и уже доказал, что способен проникнуть куда угодно: в её ноутбук, в систему, возможно, даже в мысли. Он был везде, невидимый и всепроникающий.

И он звал её.

Ловушка? Наказание? Испытание?

Или что-то иное — то, от чего внутри всё холодело, стоило лишь на мгновение допустить эту мысль?

Глава 2

Ида приехала в 2:47, за тринадцать минут до назначенного времени. Она всегда прибывала раньше срока: нужно было изучить место, оценить пути отхода, заметить детали, которые могли бы выдать ловушку, прежде чем начнётся главное действие.

Чёрный матовый «Снегирь» она оставила в квартале от цели, в слепой зоне ближайшей камеры. Красная подсветка приборной панели погасла, когда Ида заглушила двигатель. Машина словно затаилась вместе с хозяйкой, растворившись в полумраке переулка.

Дальше пешком. Дождь моросил с утра, и асфальт блестел под тусклым светом фонарей, отражая жёлтые круги света и размывая тени.

Кварталы промзоны выглядели заброшенными. Старые цеха с выбитыми окнами, ржавые ворота, стены, покрытые слоями уличной живописи: поверх старых граффити — новые, поверх них — ещё один слой. Гдето над проломом в заборе красовалась реклама нейроинтерфейсов нового поколения. На плакате изображение девушки с золотистыми линзами, взгляд устремлён в горизонт. Подпись гласила: «Ты увидишь». Ида прошла мимо, даже не замедлив шага.

Корпуса стояли мрачные и пустые. Арматура торчала из стен, словно сломанные рёбра. Под ногами что-то хрустело: то ли битое стекло, то ли обломки пластика, то ли остатки чьих-то надежд. В воздухе смешались запахи сырости, металла и едва уловимой горечи старого масла.

Координаты привели её к третьему цеху. Металлические ворота оказались не заперты, просто прикрыты и чуть покачивались от порывов ветра, издавая тонкий скрип. Ида остановилась у входа, замерла на мгновение и прислушалась.

Тишина. Лишь ветер шелестел гдето внутри, да издали доносился гул города, тот самый, что никогда не умолкает полностью, лишь меняет тональность с наступлением ночи.

Она сделала глубокий вдох, поправила воротник пальто и шагнула внутрь.

Внутри было неожиданно светло, свет шёл от экранов. Их оказалось около двадцати, они были разных размеров, развешанных на стенах и на какой-то самодельной конструкции из труб под потолком. Все они светились, наполняя пространство холодным голубоватым отблеском.

На одних экранах запускался код: длинные строки зелёных символов в духе старой эстетики, которую давно перестали использовать. На других отображались карты города, схемы сетей, какие-то сложные структуры, напоминающие нейронные связи. Изображения сменялись, пульсировали, складывались в непонятные узоры, похоже было, что система непрерывно анализировала что-то, искала закономерности.

Посередине помещения стоял одинокий стул. Больше никакой мебели, только стул. Кто-то поставил его специально для неё?

Ида нащупала в кармане линзы, надела их и привычным движением в воздухе активировала режим визуализации. Ничего не произошло. Она моргнула, повторила жест, снова безрезультатно. Достала телефон, чтобы запустить систему вручную.

Линзы работали — это подтверждал короткий сигнал вибрации. Она убедилась, что система исправна. Но здесь, в этом пространстве, не было ни единой нити, никаких мерцающих узлов, ни одного следа или отпечатка. Просто ночь, бетон, заброшенные корпуса.

Кто-то основательно стёр себя из системы, уничтожил каждую запись, каждый байт данных, каждую возможность быть обнаруженным. Либо же что-то целенаправленно заглушало сигнал, создавая зону абсолютной цифровой тишины. Ида никогда раньше не сталкивалась с подобным эффектом: её линзы всегда улавливали хотя бы слабые следы активности, но здесь царил абсолютная пустота.

Она сняла линзы и аккуратно убрала их в футляр.

Хорошо. Значит, её сюда выманили. Вопрос — зачем?

Убить? Нет, слишком примитивно для того, кто умеет писать код класса 7Ф. Напугать? Тоже не похоже, ведь тот, кто создал эту инсталляцию из экранов, явно рассчитывал на более тонкий эффект. Показать что-то? Продемонстрировать возможности? Или проверить её реакцию?

Ида без спешки обошла помещение по периметру, действуя строго по методичке: осмотрела стены, проверила углы, отметила возможные пути отхода. Ничего. Затем заглянула в

соседний корпус, но там обнаружила лишь провалившийся пол, запах металла и голубей, воркующих где-то под крышей. Тоже ничего.

Она вернулась ко входу и остановилась, вслушиваясь в тишину. Экраны продолжали мерцать за спиной, их свет отбрасывал странные тени на стены. Где-то далеко гудел город, но здесь, в промзоне, время остановилось. Ида сжала кулаки, пытаясь уловить хоть намёк на логику происходящего. Кто-то пригласил её сюда, и этот кто-то явно ждал определённого шага с её стороны. Оставалось понять, какого именно.

Она вернулась к машине. Нажав кнопку зажигания, несколько секунд просто сидела, держа руки на руле. Взгляд скользил по пустынной промзоне за лобовым стеклом — серые корпуса, мокрые от дождя тротуары, ни души вокруг.

Промзона пустая. Линзы не работали. Координаты, которые появились в её ноутбуке сами собой.

Всё складывалось в чёткую картину.

Он не хотел встречи, по крайней мере, не такой, какую она себе представляла. Он хотел, чтобы она приехала сюда и убедилась: он может проникнуть куда угодно, оставить след там, где его не должно быть, а потом стереть его без остатка. Показать, что он контролирует пространство и время, саму возможность быть обнаруженным.

Хорошо. Принято.

Ида развернула машину и направилась к дому Воронова.

Дом стоял на окраине, он был почти незаметным среди деревьев и старых гаражей. Здесь время замедлило ход, фасады домов хранили следы давно минувших веков, балконы с коваными перилами, вывески выцветшие до неразборчивости.

Квартира Воронова находилась в одном из таких зданий, в районе, который возвращал в прошлое. Четвёртый этаж, без лифта, деревянные лестницы, чуть скрипящие под ногами полы. Ида медленно поднималась, прислушиваясь к звукам: далёкий телевизор за стеной, шаги на верхнем этаже, гул вентиляции. Тишина здесь была уютной, наполненной дыханием чужих жизней, запахами еды и старых книг.

Дверь квартиры была опечатана. Ида без колебаний сорвала ленту, аккуратно, чтобы не оставить лишних следов, но решительно.

В квартире было темно, но Ида не стала щёлкать выключателем, достала фонарик. Узкий луч света скользнул по коридору, вдоль стен с отклеивающимися обоями, мимо старой вешалки с пустыми крючками. Затем на кухню: стол с чашкой, забытой на краю, раковина с парой тарелок.

Наконец луч направился в кабинет, туда Ида и прошла в первую очередь. Свет выхватил из темноты письменный стол, полки с книгами и папками, старый монитор на подставке. На стене висела схема нейронных сетей, частично зачёркнутая красным маркером. Рядом несколько фотографий в рамках, одна из них перевернута лицевой стороной к стене.

Ида сделала шаг вперёд, внимательно осматривая пространство. Каждый предмет мог быть подсказкой или ловушкой. Она медленно провела лучом по столу: бумаги, стикеры с заметками, ручка, лежащая так, будто её только что отложили. В воздухе витал слабый запах кофе и чего-то ещё, едва уловимого, металлического, напоминающего о коде, который проникает сквозь экраны и стены.

Она присела за стол, включила фонарик на максимум и не задумалась о документах. Что искал Воронов перед тем, как опустеть? Что он нашёл, и почему это привело его такому финалу?

На стене над письменным столом всё ещё отчётливо виднелось слово «ТОК». Крупные буквы, нанесённые маркером, неровные, будто написанные в спешке или в состоянии крайнего напряжения. Ида подошла ближе, вглядываясь в надписи.

Давление маркера на стену менялось: начало чёткое и уверенное, затем линия стала прерывистой, рука явно дрогнула, сбилась, потом снова собралась, буквы вновь обрели форму. Похоже, Воронов писал это за несколько заходов. Возможно, терял сознание между ними, приходил в себя и возвращался к надписи, словно одержимый одной мыслью.

Ида надела линзы. На этот раз они заработали, изображение наложилось на реальность, открывая невидимое. От букв на стене потянулись тонкие нити — слабые, почти прозрачные, но отчётливо видимые в режиме визуализации. Она провела пальцем вдоль одной из них, мысленно потянув её к столу.

Там, над поверхностью стола, мерцал плотный клубок связей с множеством ответвлений. Воронов работал здесь долго и упорно, оставляя множество цифровых следов. Ида начала аккуратно разбирать узлы, распутывать нити, прослеживая их траектории.

Взгляд скользнул по столу: документы, распечатки, папки. Судя по характеру нитей, это были архивные файлы — старые базы данных, к которым Воронов обращался систематически. Судя по интенсивности следов, он искал что-то ночами, несколько недель подряд, последовательно перебирая записи, углубляясь в архивы, словно знал, что ответ скрыт где-то там, в прошлом.

Потом он нашёл.

Одна из нитей от стола уходила к ящику. Ида открыла его. Пусто. Разумеется, место уже осматривали коллеги или те, кто пришёл раньше. Но нить не обрывалась: она тянулась дальше, под стол, к плинтусу.

Ида присела на корточки, провела рукой вдоль плинтуса. Там, в самом углу, обнаружился небольшой зазор, едва заметный, но тактильно ощутимый. Она осторожно поддела край пальцем. Плинтус слегка подался и отошёл, обнажая скрытую полость.

За ним лежал конверт.

Ида медленно достала его. Конверт был потёртый, без марки или адреса, но на ощупь казался плотным, словно внутри что-то лежало. Она взвесила его в руке, ощущая вес содержимого.

— Ты нашла его быстро, — сказал кто-то за её спиной. — Я думал, уйдет минута вторая.

Для Иды это не было неожиданным, она уловила его присутствие ещё до того, как прозвучали слова: за несколько секунд до этого в воздухе что-то изменилось — едва заметное колебание температуры, лёгкий сдвиг в шуме дома, будто сама тишина стала плотнее. Только потом раздался голос.

Она медленно развернулась, стараясь не делать резких движений.

В дверях кабинета стоял мужчина. Высокий, с широкими плечами, заполнявшими проём почти целиком. Двигался он бесшумно, что особенно бросалось в глаза: деревянные полы в этом здании скрипели на каждой ступеньке, Ида лично убедилась в этом, когда поднималась сама.

Луч фонарика скользнул по его фигуре, выхватывая детали из полумрака. Лицо, которое трудно забыть: острые скулы, тонкий нос, черты, в которых было что-то неуловимо нездешнее, словно он принадлежал иному миру или иной эпохе.

Глаза синие, и даже в тусклом свете это было очевидно. Синие и какието сложные. Как код, который с первого взгляда не считывается: в них читалась глубина, расчёт, но и что-то ещё, что не поддавалось анализу.

Волосы удлинённые, влажные, видимо, дождь на улице усилился; среди тёмных прядей проглядывали пепельные нити, выбивавшиеся из любого привычного образа. Он выглядел так, будто намеренно избегал стандартов, не по протоколу, не по правилам.

На нём был расстёгнутый мотопиджак, тёмный и поношенный ровно настолько, чтобы выглядеть не ветхим, а своим, привычным. Рукава закатаны до локтей, и под ними проступали шрамы слегка красноватые, будто под кожей всё ещё тлел код, пульсировал, напоминал о себе.

Ида задержала луч фонарика на его руках, затем медленно подняла взгляд к лицу. Мужчина не отступал, не менял позы, стоял спокойно, почти расслабленно.

— Кто ты? — тон Иды был констатирующим, что ей нужна информация, без эмоций, без намёков.

— Дэн, — ответил он. — Старший группы специального назначения, переведён в ваш отдел.

Он улыбнулся краем рта, едва заметно. Ида не поняла, что именно в этой полуулыбке её раздражало — то, что она была, или то, что казалась уместной в этой напряжённой ситуации.

— Я не получала уведомления, — холодно заметила Ида.

— Оно придёт позже. Я решил, что мы можем начать прямо сейчас, — спокойно ответил Дэн.

Она продолжала холодно и пристально смотреть на него, сканируя каждую деталь: осанка прямая, но не напряжённая; руки расслаблены вдоль тела, без признаков готовности к атаке, взгляд открытый, но с едва уловимой хитринкой. Ничего лишнего. Ничего угрожающего.

— Что вы здесь делаете? — повторила она вопрос.

— Ищу то, что вы пропустили, — ответил он, делая шаг вперёд.

— Вы здесь не по протоколу, — подчеркнула Ида, не отступая.

— Так же, как и вы, — парировал Дэн. Он подошёл ближе, без резких движений, взял из её рук конверт и достал фотографию. — Вот зачем ты здесь.

Ида направила луч фонарика на фото.

Это была старая фотография, похожая на ту, что висела на её виртуальной доске, но с важными отличиями. Лаборатория, сложное оборудование на заднем плане массивные консоли, панели с индикаторами, кабели, тянущиеся вдоль стен. Несколько человек в белых халатах стояли в кадре, немного неловко, как обычно стоят те, кто не любит фотографироваться: кто-то чуть отвернулся, кто-то щурился от вспышки, один нервно поправлял рукав.

Её взгляд зацепился за мужчину в центре группы — её отец. Он стоял скрестив руки на груди, взгляд направлен в объектив с выражением, которое Ида хорошо знала: смесь уверенности и скрытого вызова. Рядом, чуть позади стоял Воронов. Чуть позади, стоял ещё один человек. Его лицо было в тени, фигура слегка размыта, словно снимок сделали в движении, но что-то в позе, в повороте головы показалось ей до боли знакомым.

На её фото третьего не было.

— Воронов не просто видел код, — продолжил Дэн. — Он пытался его остановить. В тот день, когда ваша сестра перестала быть собой, он находился в лаборатории. И он знал, кто запустил код.

— Это есть в отчётах, — коротко ответила она.

— Это читается в ваших глазах, — возразил он. — Вы не спите, почти не едите, не даёте себе передышки. Двадцать лет вы ищите ответ. И вы знаете: Воронов был последним, кто мог назвать имя.

Она молча смотрела на него. Пульс зашкаливал, но лицо оставалось бесстрастным, ни единый мускул не дрогнул.

— Не стоит беспокоиться, — произнесла она ровным голосом.

Дэн едва заметно улыбнулся, лишь уголками губ. В этой улыбке таилась обезоруживающая сила.

— Я знаю, что вы отправились на встречу, — продолжил он. — Не передали координаты группе захвата. Ждали в пустом ангаре человека, который так и не пришёл.

— Это часть работы, — ответила она.

— Нет, это проверка, — мягко поправил он. — Вы проверяли, придёт ли он. А я проверял, придёте ли вы.

Она промолчала, но пальцы непроизвольно сжались в кулак.

— Ваш отец был гением, — сказал Дэн. — Он создал код, способный работать с нейронными расстройствами, восстанавливать связи, утраченные из-за травм. Прекрасная, благородная идея.

Ида попрежнему молчала.

— Но что-то пошло не так. Или, может, с самого начала всё было не так. Код начал делать обратное: не восстанавливать связи, а стирать их.

— Это предположение или у тебя есть доказательства?

— Пока лишь предположение — но с весомыми основаниями.

— Где эти основания?

— Их ещё нужно собрать. Поэтому я здесь. Воронов видел, как запустили этот код. Он знал, кто это сделал, — но в отчётах назвал лишь одно имя: Сергей Лёдов, ваш отец.

Ида не слушала. Её взгляд застыл на тени, на том, как Воронов стоит, чуть обернувшись, будто хотел что-то сказать, но не успел.

Она медленно подняла глаза и встретилась взглядом с Дэном. Пальцы так сильно сжали планшет, что края впились в кожу.

— Вы знаете, кто это? — спросила она.

— Я работаю над этим, — спокойно ответил он.

Она подняла глаза на него, Дэн смотрел спокойно, терпеливо, как человек, который никуда не торопится. В синих глазах было что-то, что она не сразу смогла определить. Возможно ли, что это было внимание? Пожалуй, слишком внимательно для человека, которого она видит впервые.

Ида направилась к выходу, он не пошёл за ней, остался в квартире. Она не обернулась.

В машине Ида сидела пару минут, не заводя двигатель.

Шрамы будто мерцали и дело было не в косметике. И не в импланте в привычном смысле: она хорошо знала, как выглядят стандартные нейроимпланты, однажды вела дело, связанное с ними.

Она завела двигатель.

В комплекс Ида прибыла в начале седьмого. Вокруг царил тишина. Охранники на входе давно привыкли к её внезапным визитам в любое время суток, а дежурный техник даже не поднял головы, когда она проходила мимо. Поднявшись на семнадцатый этаж, она направилась в отдел. Шеф уже ждал в её кабинете.

Виктор Анатольевич Смирнов, пятьдесят четыре года, два инфаркта, трёхлетний бракоразводный процесс. Он посмотрел на неё поверх очков.

— Ида Сергеевна, — произнёс он, — что на месте преступления?

— Воронов обнулён, — ответила она. — Код 7Ф стёр его личность. Тот же почерк, та же подпись — «ТОК».

— Я читал отчёт, — Смирнов подошёл к окну. — Дело Воронова — часть старой цепи?

— Это её начало, — сказала Ида. — Или конец.

Он снял очки и устало потёр глаза.

— В ваше распоряжение поступает сводная оперативная группа. Прибудут завтра в девять утра.

— Я работаю одна.

— Это приказ.

Ида пристально посмотрела на него. Шеф не отводил взгляда.

— Кто? — коротко спросила она.

— Старший группы — Дэн Си. Опытный, с профильным образованием. Китайские корни, но вырос здесь. Учился за границей, стажировался в Европе, работал по особым поручениям в Азии. Безупречная биография. В группе также техники и аналитики — сильные специалисты.

Ида открыла папку. Фотография, дата рождения, список мест работы, наград, рекомендаций.

— Почему он здесь? — снова спросила она.

— Он отличный детектив, как и вы, — ответил Смирнов. — Я сказал, что мне нужны только лучшие. Вот его и прислали.

Она подняла глаза. Начальник смотрел на неё спокойно, но в его взгляде читалось что-то новое, чего она раньше не замечала.

— Я справлюсь, — твёрдо произнесла Ида.

Смирнов долго смотрел на неё, затем молча кивнул и вышел.

Она подошла к окну и посмотрела на город. Небо отливало серо-синим, где-то внизу мелькали машины, люди спешили на работу, думали о будничных делах и потягивали кофе из бумажных стаканов.

Вернувшись к столу, Ида надела линзы. От фотографии протянулись сразу несколько нитей — словно следы, ведущие в разные стороны.

Она разбирала их осторожно, будто распутывала клубок: резко дёрнешь — запутается ещё сильнее. Одна нить вела к Воронову. Другая к отцу, но странно обрывалась, словно её обрезали. Так бывает, когда кто-то намеренно замечает следы.

Следующая нить указывала на человека с тенью.

Эта нить не обрывалась. Она слабо пульсировала и уходила дальше — за пределы того, что Ида могла охватить прямо сейчас. Живая нить. Третий человек был жив.

Ида сняла линзы и убрала фото в конверт.

Во втором часу дня Дэн вошёл без стука и сел напротив, положив на стол свою папку.

Ида не произнесла ни слова, лишь слегка приподняла бровь.

Он молча ждал.

Она бросила взгляд на папку, затем снова посмотрела на него.

— Что вы нашли? — спросила она.

— Воронов запросил архивное дело за месяц до смерти, — ответил Дэн. — Номер 1703. То самое, которое вы искали.

— Я знаю, — коротко бросила она.

— Но вы знаете, что в этом деле есть то, чего нет в отчётах?

Ида подняла глаза.

— Что именно?

— Запись, — пояснил он. — Ваш отец писал о комто, с кем работал.

Дэн развернул планшет. На экране появилась старая запись — рукописный текст. Ида сразу узнала почерк отца:

«Сегодня мы спорили. Он сказал, что я трус, и, возможно, он прав. Но я не могу позволить, чтобы код использовали против людей. Я должен его остановить или найти того, кто сможет».

Ида вглядывалась в эти строки. «Он». Кто-то, с кем отец работал. Кто-то, кто хотел использовать код во вред. Или тот, кого отец боялся.

— Кто это? — тихо спросила она.

— Не знаю, — признался Дэн. — Но Воронов знал. И тот, кто его обнулил, тоже знает.

Она внимательно посмотрела на него. В его глазах не было игры, только правда, которую ей было страшно принять.

— Почему вы здесь? — спросила Ида. — Почему помогаете мне?

— Потому что я ищу то же, что и вы, — ответил он. — Того, кто делает людей пустыми. Того, кто двадцать лет назад уничтожил лабораторию. Того, кто вернулся.

— Зачем?

— Чтобы закончить то, что начал, — сказал Дэн. — Или чтобы встретиться с вами.

Ида промолчала. Пальцы невольно сжались на планшете. Шрам на безымянном пальце неприятно заныл.

Дэн встал и направился к двери, но на пороге остановился.

— Ида, — произнёс он.

Она подняла голову.

— Вы не одна. Запомните это.

— Это угроза или обещание? — уточнила она.

Он улыбнулся — той самой обезоруживающей улыбкой.

— Решайте сами, — бросил он и вышел.

В шесть вечера Ида закончила работу, но не потому, что выполнила всё задуманное. В какой-то момент она осознала: уже сорок минут смотрит в один и тот же файл, но не замечает в нём ничего нового. Это был чёткий сигнал, когда перестаёшь видеть детали, пора остановиться.

Она достала из ящика стола сумку со спортивной формой. Спортзал располагался на первом этаже Комплекса, и Ида часто ходила туда после работы, когда нужно было сбросить напряжение.

Зал она не любила: слишком тесный, слишком низкий, слишком чужой. Но сегодня он был необходим. Ей требовалось выложиться до предела, до темноты в глазах, до той грани, когда мысли физически перестают существовать.

Разминка, силовая тренировка, кардио. Тело двигалось на автомате, мышцы горели, пот струился по лицу, заливал глаза. Сто двадцать ударов в минуту. Сто тридцать. Сто сорок. Она тренировалась в полной тишине, без музыки, сосредоточившись только на дыхании и усилиях. Ровно через час остановилась.

Ледяной душ, быстрое переодевание, чёрная строгая рубашка, тёмный костюм. Волосы снова собраны в аккуратный пучок, ни один локон не выбился.

В зеркале отразилась женщина, которая давно научилась не чувствовать. Женщина, которая не позволяла себе эмоций уже двадцать лет.

Глава 3

Ида подъехала к комплексу в 6:23. В этом не было необходимости, просто оставаться дома было невыносимо, да и тратить на это время казалось бессмысленным.

На семнадцатом этаже в этот час было тихо. Дежурный техник лишь мельком взглянул на неё сквозь стекло, без тени удивления. Охранник на входе давно перестал задавать вопросы: он уже не пытался выяснить, почему следователь Лёдова приходит раньше всех, а уходит позже остальных.

Ида прошла в отдел, направилась в общий зал и достала из конверта фотографию. Код 7Ф вернулся после двадцатилетнего молчания. Теперь её отдел перестал быть только её вотчиной, придётся работать в группе. Она не привыкла к этому, но, возможно, так будет лучше.

Осмотрев стол перед экраном, Ида расставила стулья и мельком изучила личные дела членов команды.

В 8:09 она уже стояла у колонны у дальней стены, скрестив руки, и терпеливо ждала.

Зал оставался пустым. Мониторы тихо гудели, постепенно переходя в режим ожидания. Лишь главный экран продолжал светиться, демонстрируя фотографию, найденную в квартире Воронова.

Ида взглядела в лица, которые знала наизусть. Её ещё молодой отец, полный сил. Рядом Воронов: он смотрел в камеру без тени страха. И ещё тень в углу: размытое пятно, этот человек явно не хотел оказаться на снимке.

К девяти утра зал отдела «Кибер-Алхимия» был полон.

Ида стояла в тени колонны и наблюдала. Новые лица появлялись одно за другим, осторожно оглядывались, привыкая к холодному синему свету, к мониторам, растянувшимся вдоль всей стены, к гнетущей тишине, давившей на уши.

Первым вошёл Миша — Михаил Григорьевич Соболев.

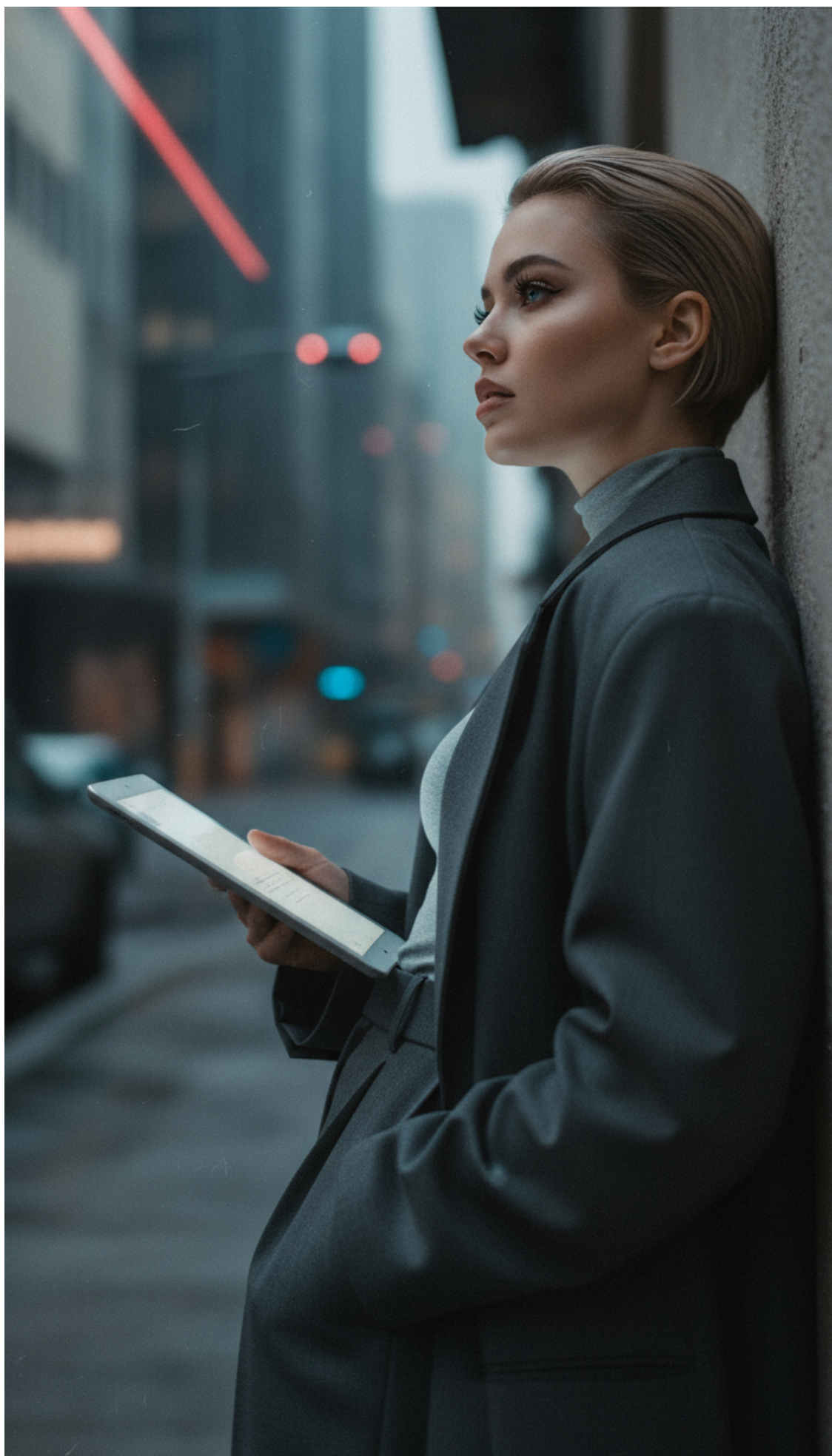
Он буквально ворвался в дверь раньше, чем Ида успела его как следует разглядеть. На вид ему было не больше двадцати пяти. Волосы взлохмачены так, будто он забыл, что их вообще нужно причёсывать. Взгляд метался: от монитора к доске, к потолку и снова к монитору.

Миша тут же подскочил к ближайшему технику и принялся его расспрашивать, он сыпал вопросы один за другим, не дожидаясь ответов. Техник уставился на него с видом человека, которого только что разбудили посреди ночи.

Ида внимательно следила за руками Миши. Они говорили куда больше, чем лицо. Он трогал всё, до чего мог дотянуться: угол стола, провод от монитора, стопку бумаг. Чтото нечаянно задел и отключил, тут же поспешно включил обратно, правда, немного не так, как было.

«Нервный», — первое слово, пришедшее ей на ум. Но нервозность бывает разной: от страха, от неуёмного любопытства или от отчаянной попытки притвориться кемто другим. Ида не торопилась с выводами.

Второй была Лена — Елена Павловна.

Тихая, почти незаметная, она вошла в зал в сером пальто. Пшеничные волосы были плотно зачёсаны назад, никаких украшений — ни брошки, ни серёжек, ни кольца. В отличие от Миши, она не оглядывалась по сторонам, не искала, куда бы присесть. Просто прошла к окну и встала там — почти вплотную к стеклу, устремив взгляд вниз, на раскинувшийся город.

Ида сосредоточилась на её руках.

Пальцы Лены тихо отстукивали по подоконнику ритм — едва слышно, но чётко, безошибочно узнаваемо. Это был мотив, который крутили по радио двадцать лет назад. Ида вдруг вспомнила: эту песню обожала её сестра.

Она резко оборвала воспоминание, не позволив себе погрузиться в прошлое. Просто отметила про себя этот факт — как ещё одну деталь в мозаике, которую пыталась собрать.

Третьим вошёл Олег — Олег Иванович Смирнов.

Пожилой техник с бесцветными, усталыми глазами — такими, какие появляются после многих лет работы с чемто тяжёлым, выматывающим душу. Ноутбук он прижимал к груди, словно это была не техника, а опора, без которой он не представлял, куда себя деть. Не поздоровавшись ни с кем, Олег сразу сел за стол.

Несколько раз его взгляд на пару секунд задерживался на одном из помещений, будто чтото в той стороне притягивало его внимание, а затем снова опускался к столу.

Ида уже видела такое раньше — у тех, кто работал рядом с кодом 7Ф и чудом выжил. Это напоминало побочный эффект: едва заметный, но неизгладимый след пережитого.

Она уже собиралась выйти из тени, чтобы представиться, когда в зале появился четвёртый член команды.

Дэн — Дэн Си.

Он шёл спокойно, не быстро и не медленно, в том размеренном ритме, который словно говорил: «Я точно знаю, куда иду, и никуда не тороплюсь». Тёмный пиджак был расстёгнут, а волосы чуть длиннее положенного, но это выглядело не небрежностью, а осознанным выбором, своего рода позицией.

Дэн остановился у главного наблюдательного пульта, слегка наклонился к технике и что-то тихо произнёс — Ида не расслышала слов. Техник кивнул, тут же принялся переключать экраны, и один за другим они оживали, заполняя зал приглушённым светом данных.

Дэн попрежнему не смотрел в её сторону. Но Ида отчётливо понимала: он точно знает, где она стоит.

— Ида Сергеевна, — произнёс он, не оборачиваясь, — мы вас заждались.

Она вышла из тени и направилась к столу. Коллеги невольно расступились, освобождая ей путь.

— Начнём, — коротко сказала Ида.

Она никогда не садилась на разборах — это стало негласным правилом ещё с первых лет работы в ведомстве. Стоя, ты контролируешь пространство, держишь ситуацию в руках, видишь каждого.

Дэн обернулся и их взгляды встретились на долю секунды. Короткий кивок, без лишних жестов. Ничего показного, но напряжение между ними словно сгустилось.

Ида подошла к главной доске и указала на фотографию.

— Дело Воронова, — начала она ровным, чётким голосом, без пауз и колебаний. — Андрей Михайлович, пятьдесят два года, биофизик, специалист по нейроинтерфейсам. Работал в лаборатории двадцать лет назад. Был свидетелем того, как код «ТОК» запустили в первый раз. Молчал двадцать лет. Его нашли в собственной квартире: глаза открыты, признаки жизни налицо, все физиологические функции в норме. Но код «ТОК», версия 7Ф, стёр его личность. Полностью.

Она развернулась к команде. Серые глаза неторопливо скользнули по лицам — по Мише, нервно теребящему край рукава, по Лене, застывшей с непроницаемым выражением, по Олегу, который чуть приподнял голову от ноутбука, и, наконец, по Дэну. Тот смотрел прямо, спокойно, будто заранее знал всё, что она скажет, но ждал.

В зале повисла тишина, нарушаемая лишь тихим гулом мониторов и отдалённым эхом шагов за стеной.

— Код 7Ф, — продолжила Ида. — Он не использовался двадцать лет. Это не новый автор. Тот же стиль, та же структура, та же едва заметная подпись «ТОК» — тонко вплетённая, как и двадцать лет назад.

— Зачем «ТОК» вернулся? — спросил Миша, слегка подавшись вперёд. — Если он молчал два десятка лет, почему решил выйти на свет именно сейчас?

— Чтобы закончить начатое, — ответил Дэн, не отрывая взгляда от доски. — Или чтобы встретиться с той, кто его ищет.

Он посмотрел на Иду. Она не отвела глаз — между ними промелькнуло что-то невысказанное, короткое, как разряд тока.

Ида перешла к следующему слайду.

— Это ваш отец? — тихо спросила Лена, вглядываясь в фотографию.

— Да, — коротко ответила Ида.

— А это? — Миша указал на размытую тень в углу снимка. — Кто это?

— Выясняем, — повторила Ида.

— Мы выясним, — впервые за всё время подал голос Олег. Его слова прозвучали тихо, устало, почти без интонации. Он так и не поднял головы от ноутбука.

Ида задержала на нём взгляд на секунду, затем снова повернулась к доске.

Она надела линзы и вывела изображение на общий экран. Перед командой возникла сложная паутина происшествия: светящиеся нити, узлы связей, тёмные провалы там, где след обрывался. Для остальных это выглядело как абстрактная схема, но для Иды — как живая карта событий.

Она протянула руку и коснулась голографической проекции. Нити дрогнули, потянулись к её пальцам, словно живые, и слегка обвилились вокруг запястья.

— Вот что осталось от Воронова в системе, — произнесла она. — Видите этот узел? Здесь он работал последние три недели. Запрашивал архивные дела — систематически, по ночам. Чтото искал.

— Нашёл? — быстро спросил Миша.

— Точно не известно, — ответила Ида, не отрывая взгляда от проекции. — Но его поиски привлекли внимание кода. И код стёр его личность.

В зале повисла тяжёлая тишина.

— Он запросил архивное дело за месяц до смерти. Номер 1703, — она сделала паузу, взгляд скользнул по лицам команды. — То самое, что я искала двадцать лет.

Никто не спросил, почему она его искала. Дэн сосредоточенно изучал схему на экране, будто пытался прочесть между линий скрытый смысл. Лена попрежнему смотрела в окно, но пальцы её непроизвольно сжимались и разжимались на планшете. Олег, не поднимая головы от ноутбука, замер на мгновение — лишь на миг, но Ида это заметила.

Миша нарушил тишину:

— Что в деле 1703?

— Этого мы пока не знаем, — ответила Ида ровным голосом. — Дело засекречено. Работаем над получением доступа.

В зале повисла напряжённая тишина. Миша, затаив дыхание, вглядывался в схему, словно надеялся разглядеть в ней ответ. Лена сжала пальцы на планшете так, что костяшки побелели. Олег наконец поднял голову от экрана — всего на секунду — и тихо произнёс, снова опуская взгляд:

— Мы узнаем.

Тишина снова окутала комнату, нарушаемая лишь тихим гулом оборудования и отдалённым эхом шагов за стеной.

— Дело Воронова — наша главная цель, — продолжила Ида твёрдо, возвращаясь к сути. — Но есть три параллельных расследования, которые могут быть связаны с «Током».

Она коснулась доски — и схема мгновенно изменилась. На экране появились три новых блока, нити перестроились, потянулись к трём точкам на карте города, засветившись тревожным синим светом.

— Первое — взлом системы безопасности городского банка. Код, который использовали хакеры, похож на тот, что мы видели в деле Воронова. — Она посмотрела на Мишу. — Ваше.

Он был серьёзен, без привычной суеты.

— Второе — исчезновение трёх человек из реабилитационного центра. Все они были жертвами нейро-вирусов. Все подключены к платформе «Глубокий код». — Ее взгляд повернулся к Лене. — Ваше. Жертвы «Глубокого кода» либо исчезли, либо молчат. Кто-то замёл следы.

Та кивнула.

— Третье. Финансовые потоки корпорация «Нейро-Интеграция». Двадцать лет назад они финансировали лабораторию. Нужно понять, кому было выгодно, чтобы Воронов замолчал. — Она повернулась к Олегу.

Он кивнул, не поднимая головы.

— Эти дела могут вести к одному центру, — сказала Ида. — Или к одному человеку. Мы будем работать по всем направлениям одновременно.

— Дэн и я работаем над делом Воронова, — сказала она. — И над тем, что он пытался найти.

Дэн не прокомментировал. Просто смотрел на схему.

Она сняла линзы и нити погасли.

Час спустя отдел наполнился тем особым шумом, который бывает только в начале сложного дела: когда никто ещё не понимает, за что хвататься, и потому хватаются за всё сразу.

Миша одновременно звонил кому-то и листал ленту на планшете, пальцы мелькали с лихорадочной скоростью, брови то и дело хмурились. Лена работала почти бесшумно: изредка делала пометки от руки, и Ида краем глаза замечала, что почерк у неё мелкий, чёткий, идеально ровный, будто вычерченный по линейке. Олег не отрывался от ноутбука: лишь изредка менял угол экрана, чуть поворачивая его к свету, и беззвучно шевелил губами, проговаривая что-то про себя.

— Я проверил дела, о которых вы говорили, — сказал Миша, разворачивая планшет к команде. — По реабилитационному центру есть кое-что интересное. Жертвы — молодые люди от двадцати до тридцати лет. Все имели нейроимпланты последнего поколения

Ида не повела и бровью, хотя для неё это было неожиданно. Она не замечала этой связи раньше.

— Хорошая работа, — коротко похвалила она.

Миша просиял. На мгновение он словно сбросил годы: стал мальчишкой, который нашёл то, что искал. Но тут же спохватился и одёрнул рукав, крепче сжал планшет, стараясь вернуть серьёзное выражение лица. Не удержавшись, добавил:

— И все они подключились к одному каналу! «Глубокий код» — платформа, обещающая полное погружение

— Это было в отчёте, — перебила Ида спокойно. — Страница три, раздел «Общие данные».

Он покраснел и отвёл взгляд. Зашелестел страницами, лихорадочно ища подтверждение её слов.

Ида наблюдала за ним и мысленно подводила итог: не преступник. Слишком нервный, слишком открытый, слишком легко выводимый из равновесия. Такой не сможет годами скрывать правду и сломается на первом же серьёзном допросе. Зато он умеет искать, умеет замечать детали, пусть пока и не всегда видит общую картину.

В зале снова зазвучали голоса: Лена что-то тихо уточняла у техника, Олег бормотал себе под нос формулы, а Миша, справившись с замешательством, снова уткнулся в планшет, уже с удвоенным упорством. Работа набирала обороты.

— Платформа «Глубокий код» была заблокирована три месяца назад, — продолжила она, обращаясь ко всем. — Но код, который использовался в ней, продолжает жить. Он мутирует. Переходит из системы в систему. Находит новые носители. Новые жертвы.

— Это невозможно, — возразил Миша, уже забыв о своей оплошности. — Код не может мутировать сам. Это требует вмешательства.

— Именно, — сказала Ида. — Кто-то поддерживает его жизнь. Кто-то, кто знает каждую строчку, каждую переменную, каждую уязвимость.

Она обвела взглядом группу. Задержалась на лице Дэна.

Он сидел неподвижно, сложив руки на столе, и смотрел на неё с выражением, которое она не могла прочитать. Это не было удивлением или восхищением, ему это было не нужно. Что-то, от чего внутри неё шевельнулся тот самый лёд, который она считала вечным.

— Вы уже знаете, кто это, — сказал он.

— Я знаю, что он оставляет метку: «ТОК». Его подпись везде. В каждом деле, в каждом коде, в каждом глазе, который смотрит в никуда.

— Тогда чего вы ждёте? — спросил Миша.

Она спокойно посмотрела на него.

— Доказательств, — ответила она. — Улик. Имени. Лица. Я не охочусь на призраков.

Спустя ещё час Дэн поднялся и подошёл к столу Иды. Ида сидела за столом и работала над делом «Алхимик».

Дело только что передали из соседнего отдела, там оно пылилось с прошлой недели. Сюжет классический: похищены алгоритмы из закрытой лаборатории. Трое подозреваемых, и у каждого безупречное алиби. Ничего необычного.

Ида подняла взгляд. Он стоял напротив, небрежно опираясь на спинку стула, и смотрел на неё с ленивым спокойствием, так смотрят на то, что уже принадлежит тебе.

— «Алхимик», — сказал он.

— Изучаю.

— Три подозреваемых. Алиби у всех. Взлом произошёл изнутри, — сказал он.

— Это не тот, кого подозревают, — сказала она.

— Согласен, — кивнул он.

— Технический директор, — сказали они одновременно.

— Доступ выше, чем у администратора. И алиби, которое никто не проверял.

— При этом у него самое плотное алиби, — ответила она. — А чем плотнее алиби, тем больше над ним работали.

Дэн чуть наклонил голову. Она не могла определить, это было одобрение или просто интерес.

— Финансирование лаборатории происходило через аффилированную структуру, — сказал он. — Вот здесь. — Он повернулся к ее планшету. — Технический директор подписывает сделки. Не как уполномоченное лицо — как государственное. Личная подпись.

Она посмотрела на подпись и снова на него.

— Он не просто работал в лаборатории, — сказала она. — Он финансировал ее из своих денег.

— Частично.

— Значит, он не просто прикрывал кражу. Он открыл то, что внутри алгоритмов.

— Именно.

Они смотрели друг на друга секунду. Потом она достала телефон и начала собирать порядок задержания.

Это заняло минуты четыре. Дэн молчал всё это время.

Она отправила заказ.

— Готово, — сказала она.

— Быстро, — сказал он.

— Люблю простые дела.

— Это было не простое дело.

— Теперь простое.

Он улыбнулся уголком рта. Она отвела взгляд.

— Тебе не нужно всё делать одной, — сказал он. — Теперь я здесь.

И вышел. Она смотрела на закрытую дверь. На папку с делом. На свои руки, которые слегка дрожали.

К шести вечера команда разошлась.

Миша ушёл первым, на ходу что-то дожёвывая и одновременно читая сообщения. Лена аккуратно собрала вещи, застегнула пальто на все пуговицы, на прощание пожелала «хорошего вечера», что, кажется, никому конкретно не предназначалось. Олег немного задержался, но в итоге тоже поднялся, взял ноутбук под мышку и ушёл молча.

Ида уже диктовала приказ о задержании технического директора по делу «Алхимик», когда дверь снова открылась.

Дэн вошёл без стука. Это она уже приняла как данность. Сел напротив и положил на стол планшет.

Она не остановила диктовку. Закончила, отправила, только потом подняла на него взгляд.

Дэн молча ждал. Большинство людей не умеют молчать, начинают нервничать, говорят лишнее заполняя тишину. Дэн был спокоен и это делало его неудобным собеседником.

— Что это? — спросила она, не поднимая глаз.

Он включил планшет, на экране был фрагмент кода — небольшой, несколько строк.

— Посмотри, — сказал он. — Просто посмотри.

Она посмотрела.

Код был из дела Воронова. Она видела его и раньше, увеличенного размера, но ничего нового. Но сейчас что-то в ней отреагировало иначе, она успела понять, что именно.

— Что именно ты хочешь, чтобы я увидела? — спросила она.

— Ты уже видишь, — ответил он. — Просто не признаёшься. Ты знакома с кодом, которым написан «ТОК». Это не просто знание. Это понимание на уровне интуиции. Такое бывает, если человек писал его сам. Или если он был жертвой.

Он смотрел на неё с тем же ленивым спокойствием, но в глубине его глаз мерцало что-то тёмное. Опасное.

— Вы знали его до того, как он убил вашу сестру, — сказал он. — Или после. Но вы знали.

— Вы обвиняете меня? — спросила она. Голос не дрогнул.

— Я задаю вопросы, — ответил он. — Это моя работа.

— Ваша работа — помогать мне.

— Моя работа — найти правду, — сказал он. — Даже если она там, где её не ждут.

Она смотрела на него. На его спокойное лицо. На планшет с её досье. На свои руки, которые не дрожали.

— Вы хотите знать, причастна ли я к смерти своей сестры? — спросила она.

— Я хочу знать, что вы скрываете, — ответил он.

Ида встала из-за стола и подошла к окну. Город внизу горел тысячами огней, реклама нейроинтерфейсов на торцах зданий, синие полосы трамвайных маршрутов, красные точки машин. Красивый город. Иногда она забывала об этом.

— Я скрываю то, что не даёт мне спать по ночам, — сказала она, не оборачиваясь. — Я скрываю то, что сделала бы всё иначе, если бы могла вернуть время. Я скрываю то, что двадцать лет ищу человека, который забрал у меня сестру, и боюсь, что, когда найду, не смогу ничего сделать.

Она замолчала, в её планы не входило это признание. Она умела держать язык за зубами, умела дозировать информацию и выдавать только то, что выгодно. Но что-то в этой комнате, в этом человеке, в этой тишине заставило её сказать больше.

За окном кто-то включил рекламу над соседним кварталом, и по стеклу загорелась синяя вспышка.

— Достаточно? — спросила она.

Она услышала, как он встал и прошёл к ней. Он подошёл и остановился за её плечом, она чувствовала это, не видела, просто чувствовала изменение в пространстве, то же самое, что уже было в квартире Воронова. Что-то, что нельзя объяснить через протокол.

— Я думаю, что вы боитесь другого. Вы боитесь, что когда найдёте его, измените своё мнение о нём.

И вышел.

Она осталась одна. Смотрела на город. Слышала, как бьётся её сердце. Сто сорок ударов в минуту.

Она стояла у окна ещё минуты три. Смотрела вниз. Ни о чем конкретном не думала, просто смотрела.

Потом вернулась к столу. Сняла пиджак, повесила на спинку стула, ослабила волосы, надела линзы и раскрыла паутину.

Нити заняли весь воздух перед ней. Она сидела в центре этой конструкции, медленно разбирая узлы. Нить к отцу, нить к Воронову, нить к третьему человеку. Нить к делу 1703, которое пока не открылось. Нить на платформе «Глубокий код», которая тянулась в дело Лены. Нить к корпорации «Нейро-Интеграция».

И ещё одна нить, которой раньше не было.

Тонкая. Почти прозрачная. Она тянулась не к месту на карте и не к базе данных. Она тянулась в ту сторону, куда только что ушёл Дэн. Ида долго смотрела на нее И наконец-то подошла ближе. Протянула руку. Нити потянулись к ней, обвили пальцы, и в этот момент в центре паутины что-то изменилось. Один из узлов вспыхнул ярче. В центре паутины мелькнуло лицо. Знакомые черты. Прямой взгляд. Человек, которого она не видела двадцать лет, и думала иногда по ночам, или не думала, или запрещала думать себе.

Отец.

Ида не дышала.

Лицо держалось секунду, может две и растворилась в мигающем свете.

Она рванула линзы. Шрам на пальце горел. Она не сказала ни слова.

Глава 4

Ида вела машину медленнее, чем обычно. Сегодня ей хотелось просто смотреть на мир. Она двигалась без цели и спешки, позволяя городу раскрывать перед ней свои тихие, незаметные стороны.

Она замечала мелочи, которые обычно ускользали от внимания: редких прохожих, бредущих к метро в этот ранний час и поплотнее натягивающих воротники; дворника в оранжевом жилете, он упорно сгонял листья от подъезда, хотя знал: через час ветер снова набросает их сюда; девочку лет восьми, весело размахивающую рюкзаком, будто весь мир одна большая игра.

Чёрный матовый «Снегирь» скользил мимо, почти бесшумно, словно не нарушая утренней тишины, а вплетаясь в неё.

Ида любила ранние часы за одно: мир ещё не включился на полную мощность и можно было увидеть город таким, какой он есть.

Она потянулась к панели и включила музыку.

Бетховен, Седьмая симфония, вторая часть. Ида поставила её почти машинально, послушала минуту и выключила. Слишком спокойно. Не то.

Переключила на тяжёлое техно с жёсткими ударными. Три минуты она ехала, чувствуя, как ритм отдаётся в рёбрах, пульсирует в висках. Но и это не помогло, выключила звук.

Тишина.

За стеклом проплывал город. На боку автобуса мелькнула реклама нейроинтерфейсов: девушка с золотистыми линзами и слоганом «Ты видишь больше». Ида смотрела прямо перед собой, но видела не дорогу, а цепочку мыслей, которая не отпускала её с самого утра.

Дэн закрыл дело «Алхимик» невероятно быстро. Эта мысль преследовала её с пробуждения: когда она вставала с постели, чистила зубы, завязывала шнурки, шла к парковке. Слишком быстро. Слишком гладко. Что он знает? Что скрывает? И почему именно сейчас?

Такое случается: профессионалы с хорошей подготовкой нередко приходят к одному и тому же ответу независимо друг от друга. Это говорит о чёткости мышления, о выстроенной логике, о понимании сути проблемы.

Но бывает и иначе.

Бывает, когда человек знает ответ заранее и просто идёт к нему, создавая видимость поиска. Делает нужные шаги, задаёт правильные вопросы, но не ищет, а подтверждает.

Ида остановилась на красный сигнал светофора. Пешеходы неторопливо переходили дорогу. Мальчик лет двенадцати тащил за собой чемоданчик на колёсиках и жевал что-то, не отрываясь от телефона. Его рюкзак подпрыгивал на спине, а взгляд был полностью поглощён экраном, весь его мир сузился до светящегося прямоугольника.

Если Дэн знал ответ заранее, то откуда?

Загорелся зелёный. Она плавно тронулась с места.

Комплекс в полседьмого утра казался другим, хотя всё оставалось на своих местах: та же стойка охраны, те же мониторы в холле, те же коридоры. Но звуки изменились: меньше голосов, больше эха, шаги отдавались гулко, почти торжественно. Ида любила это время по тем же причинам, что и утренний город за окном, здесь ещё не включился режим «на полную мощность», не началась суета, не заработала машина чужих ожиданий.

Она поднялась на свой этаж и сразу прошла в общий зал, не заходя к себе.

Зал был пуст. Мониторы в режиме ожидания, синий свет на главном экране, схема дела Воронова висела там, где она ушла вчера вечером. Паутина светилась, слегка мигая.

Ида просто смотрела на схему без линз, без магии. Иногда полезно видеть именно так, без усиления. Видишь не связь, а форму.

Она стояла и думала о том, как Дэн произнёс «технический директор» одновременно с ней. О том, как он потом сидел и молчал, пока она оформляла протокол. О шрамах на его предплечьях, которые выглядели не как обычные шрамы.

— Ты здесь.

Она не обернулась, просто сказала:

— Я слышала шаги в коридоре.

Дэн вышел из тени колонны. Ида не знала, когда он вошёл в зал, не услышала ни шагов, ни шороха. Он появился так бесшумно, будто всегда был здесь, просто ждал момента стать видимым.

На нём была чёрная рубашка, рукава закатаны до локтя, обнажая предплечья. На коже проступали тонкие шрамы, красноватые линии, расположенные слишком упорядоченно, чтобы сойти за случайные ожоги. Они шли параллельными полосами, чуть изгибаясь вдоль мышц, словно следы от чего-то технологичного, а не бытового. Возможно, последствия работы с ней-роинтерфейсами или следы давнего инцидента с кодом.

Ида невольно задержала взгляд на этих шрамах. Они не выглядели как увечье, скорее как метки, знаки пройденного пути. В них читалась история, которую Дэн не спешил рассказывать.

— Вы боитесь, что я узнал что-то ещё?

— Я не боюсь ничего, что вы можете узнать, — ответила она, не отворачиваясь от схемы.

— Я боюсь, что вы узнаете то, нет чего.

Он подошёл и встал рядом, не сбоку, чуть за плечом. Близко. Она не двинулась.

— Что значит «то, чего нет»?

— Некоторые люди ищут виновного, — сказала она. — И находят, но не потому, что он там есть.

— А если есть? — Он склонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то тёмное, опасное.

— Если вы забыли то, что знали? Или то, что сделали?

Она смотрела на него не моргая. Сто двадцать ударов в минуту. Ровно.

— Я ничего не забыла, — сказала она. — И ничего не делала.

Он улыбнулся одними уголками губ. Той самой улыбкой, которая могла разоружить. Встал так, что его плечо почти касалось её плеча. Она чувствовала тепло его тела.

— Красивая сеть, — сказал он, глядя на схему. — Вы ткёте её вручную?

— Алгоритмы не видят то, что между строк, — ответила она. — Я вижу.

— Я заметил, — сказал он. — Вы видите всё. Кроме себя.

Она не ответила. Только усилием воли заставила пальцы не дрожать.

— Что конкретно я не вижу?

— Каждый раз, когда ты приближаешься на один шаг, что-то идёт не так. Улики ведут в тупик. Свидетели молчат или умирают. Ты уверена, что действительно хочешь его найти? Воронов мёртв. Лаборатория закрыта. Дело 1703 засекречено. Двадцать лет, Ида. Кто-то очень аккуратно убирает с вашего пути всё, что может привести к ответу.

Она смотрела на него. В зале было тихо, только гудели мониторы.

— Вы обвиняете меня, — сказала она. Не спросила.

— Я спрашиваю, — ответил он. — Ваш отец был там. Ваш отец написал код. Вы это знаете. И вы знаете, что он мог быть тем, кто запустил его первым. Тем, кто уничтожил вашу сестру.

Она не отступила.

— Вы закончили? — Спросила она — Теперь мой черёд.

Она шагнула к нему, не думая о расстоянии.

— Вы знали его, — сказала она, поднимая руку. Пальцы медленно легли на его грудь.

Она чувствовала, как под тканью рубашки бьётся сердце. Сто сорок ударов. Ровно столько, сколько и у неё прямо сейчас.

— Знал, — ответил он. Не отступил и не убрал ее руку.

— Вы могли написать этот код.

— Мог.

— Вы его написали.

Он молчал. Смотрел на нее так, как будто видел впервые.

— Если бы вы его написали, — продолжила она, пальцы сжались на его груди, чувствуя тепло под холодной тканью, — вы бы закончили начатое. Код продолжает жить, значит кто-то поддерживает его. Или...

Она замолчала глядя в его синие, тёмные глаза.

— Или вы ждёте, — продолжила она. — Ждёте, когда я найду его. Когда приведу к вам. Когда сделаю всю работу за вас.

— Зачем мне это? — спросил он.

— Затем, что вы не можете убить его сами. Затем, что он нужен вам живым. Затем, что вы...

Она не договорила. Потому что в следующий миг его руки обхватили её талию, разворачивая, прижимая к столу. Край стеклянной столешницы врезался в поясницу, его лицо, искажённое чем-то, может яростью или желанием. — Вы играете с огнем, — сказал он.

— Нет, — спокойно ответила она. — Я собираю доказательства.

Что-то в его взгляде изменилось.

— Доказательства чего?

— Того, что вы не тот, за кого себя выдаёте, — сказала она. — Того, что вы ищете того же, кого ищу я. Того, что вы готовы на всё, чтобы его найти.

Пауза.

— И ещё одно, — добавила она. — Что вы носите ту же боль, что и я.

Что-то изменилось в нём на секунду. Всего лишь на долю секунды он перестал быть тем спокойным, непроницаемым человеком, каким его всегда видели. Скулы стали ещё острее. Только глаза остались живыми, синими, полными того, чего она боялась прочитывать.

Она не убрала руку с его груди.

— Я не писала этот код, — тихо сказала она. — Я не убивала свою сестру. Я был в школе. На уроке литературы. Мы читали Блока. «Незнакомку». Я помню каждое слово. Помню, как вошла учительница и сказала: «Ида, тебя вызывают». Я помню, как бежала по коридору. Как держала её за руку и обещала, что найду того, кто это сделал.

Она дышала ровно, намеренно ровно.

— Я ищу двадцать лет, — сказала она. — И если вы встанете на моём пути, я уничтожу вас. Не кодом. Не оружием. Правдой.

Он смотрел на неё очень долго.

— Вы не ошиблись, — сказал он наконец. — Ни в чем.

Она убрала руку.

Он отошел.

Между ними снова было расстояние. Но воздух всё ещё хранил ту близость. Она вернулась к схеме и услышала, как он прошёл к выходу. Как дверь закрылась.

Пальцы разжались. Шрам на безымянном горел.

Сто сорок ударов в минуту.

К девяти часам зал заполнился.

Ида работала с файлами реабилитационного центра и не поднимая взгляда.

Миша ввалился в двадцать минут девятого, с рюкзаком через одно плечо и планшетом в другой руке, что-то дочитывая на ходу.

Лена пришла, тихо, как всегда, так, что Ида заметила ее, уже сидящую у окна.

Олег появился последним. Прошёл к своему рабочему месту, не здороваясь.

Дэн вошёл ровно в девять, с чашкой чёрного кофе в руке. Сел напротив нее, не прямо за столом, чуть наискосок, как всегда. Закинул ногу на ногу. Выражал спокойствие и расслабленность.

— Начнем, — сказала Ида.

Она вывела на доску схему, нити потянулись к углам комнаты.

— Лена, — сказала Ида. — Что по реабилитационному центру?

Та открыла планшет.

— Три исчезнувших. Все трое прошли реабилитацию в одном корпусе. Разные врачи, разные даты выписки, но один корпус, один протокол. — Лена говорила ровно, будто читала по листу, только листа не было. — Все трое получили приглашение на повторные исследования за месяц до отравления.

— Откуда пришло приглашение? — спросил Дэн.

— С официального адреса центра, — ответила Лена. — Но когда я проверила отправку, письмо ушло не из системы центра. Оно пришло снаружи с адреса, который имитировал внутренний сервер.

— Кто-то знал внутреннюю структуру системы, — сказал Дэн.

— Именно, — ответила Ида.

— Ида Сергеевна! — Миша поднял руку. У него было такое лицо, когда он нашёл что-то важное. Почти мальчишеское. — Я нашёл кое-что. Кто-то заходил в центр под учёткой медсестры, которая уже полгода в декрете. Тот же логин использовался три года назад. Но не в центре.

Он вывел на экран данные.

— В лаборатории, где...

Он осёкся на Иду, она смотрела на экран, где высветилось название центра. Там где двадцать лет назад работал её отец.

— ...там проводили эксперименты по нейроинтеграции, — закончил Миша. — Те же алгоритмы, что и в «Глубоком коде». Я проверил структуру, там совпадение около восьмидесяти процентов.

В зале стало тихо.

— Значит, тот, кого мы ищем, знает систему изнутри, — сказал Дэн. — Он работал там или работает сейчас.

Ида смотрела на экран. Потом на нити перед собой. Нить из лаборатории тянулась к центру паутины, и там, где она пересекалась с другими, узел мерцал ярче.

Это была уже была структура. Кто-то строил ее намеренно, годами, терпеливо, с пониманием того, что никто не будет искать одну нить. А собрать всё вместе возможно только если умеешь ткать паутину.

Она сняла линзы.

— Лена, — сказала она. — Имена всех, кто работал в лаборатории последние два года перед ее закрытием. Сотрудников, стажёров, технических консультантов. Всех.

— Уже делаю, — ответила Лена.

— Олег, — сказала Ида. — Финансовый след от лаборатории к реабилитационному центру. Есть?

— Ищу, — сказал он, не отрывая взгляда от ноутбука. — Напрямую нет. Через посредников возможно.

Работа шла. Миша звонил кому-то и одновременно листал базы данных, что-то бормоча под нос. Лена работала молча, иногда делала пометки от рук. Олег смотрел в экран, иногда его взгляд застывал на секунду и возвращался.

Дэн сидел напротив Иды и его руки двигались так же уверенно, так же быстро, создавая параллельную схему. Они не смотрели друг на друга, но их движения были синхронны, как у двух механизмов, подчиняющихся одному ритму. Он не спрашивал разрешения брал ее материалы, просто открывал, читал, добавлял заметки. Это раздражало меньше, чем должно было.

В какой-то момент он повернулся к ее планшету.

— Вот связь, которую вы пропустили, — сказал он.

Она посмотрела. Старый, отсканированный финансовый документ, подпись в базе. Подпись, которую она видела раньше, в деле «Алхимик».

— Технический директор финансировал лабораторию, — сказала она.

— Не только, — ответил Дэн. — Он курировал протоколы. Не как инвестор, как методолог. Видите этот раздел?

Она видела.

— Он знал структуру кода, — медленно сказала она.

— Знал достаточно, чтобы понять, что в нём не так, — сказал Дэн. — И достаточно, чтобы молчать об этом двадцать лет.

Она откинулась на спинку стула. Смотрела в верхнюю секунду, потом снова на него.

— Ему нужно задать вопросы лично.

— Нужно, — согласился он. — Но не сегодня. Сначала надо понять, что именно он знает. Иначе он закроется.

Ида пристально посмотрела на него.

— Откуда вы это знаете?

Он ответил не сразу. Поднял кофе, сделал глоток. Потом сказал:

— Такие люди всегда закрываются одинаково. Они начинают говорить о юристах.

Ближе к вечеру, когда схемы на доске уже начали сливаться в одно светящееся пятно, Миша громко объявил о перерыве.

— Я за кофе! — крикнул он, хватая куртку. — Кому?

Никто не возразил.

Он вернулся через двадцать минут с картонной коробкой. Поставил ее на стол рядом с Идой и начал раздавать стаканы с таким энтузиазмом, будто это была его личная победа.

— Ида Сергеевна! — Его голос разнесся по залу, хотя она стояла в двух шагах. — Двойной эспрессо, без сахара, как вы любите!

Он развернулся к ней, стакан в вытянутой руке, и именно в этот момент наступил на край коврика под столом. Не упал, но стакан дёрнулся. Кофе плеснул по дуге и попал на Иду, прямо на белую рубашку, вниз по левой стороне.

Горячее тёмное пятно расплылось моментально.

В зале стало тихо. Миша смотрел на нее с выражением человека, который только что понял, что сделал.

— О, чёрт! — Миша побледнел. — Ида Сергеевна, простите, я...

— Всё хорошо, — сказала она ровно. — Не беспокойтесь об этом.

Она уже шагнула к выходу, когда рядом оказался Дэн. Он уже снимал пиджак, чёрный, слегка поношенный и с металлическими вставками. В следующую секунду ткань легла на её плечи, он обернул Иду и его пальцы задержались на её ключицах, на самый краткий миг дольше, чем требовалось.

Ида смотрела прямо перед собой, в его грудь, обтянутую чёрной рубашкой. Видела, как бьётся его сердце. Или это было её собственное?

— Так лучше, — сказал он, отступая.

Она подняла глаза. Он смотрел на неё сверху вниз, и в его взгляде было что-то опасное. И в глубине едва заметное удовлетворение от того, что его пиджак на ней.

— Это излишне, — мягко, но твёрдо произнесла она.

— Не за что, — с мягкой улыбкой ответил он.

Миша стоял раскрыв рот. Лена смотрела широко раскрыв глаза. Олег поднял голову от ноутбука и перевёл взгляд с Иды на Дэна и обратно.

— Всё хорошо, я вернусь через несколько минут, — сказала Ида.

Она сняла пиджак, повесила на спинку стула. Прошла к выходу, чувствуя на спине его взгляд.

В дверях она обернулась.

— Продолжайте работать, — сказала она команде.

Но смотрела на Дэна.

Она вышла в коридор и прислонилась к холодной стене, закрыв глаза. Рубашка липла к телу. Пиджак висел в зале, но его запах так и остался на её плечах. Пять секунд. Потом еще пять.

— Ида Сергеевна?

Она открыла глаза. Миша стоял в трёх шагах, переминаясь с ноги на ногу.

— Я хотел извиниться. Я не специально, правда...

— Я знаю, — сказала она. — Возвращайтесь к работе.

Он не уходил.

— Я ещё кое-что нашёл, — сказал он. — В тех старых файлах. Там есть подпись. Та же, что и в «Глубоком коде». «Ток». Но она... она появилась раньше. Гораздо раньше.

Она смотрела на него. В его взгляде не было той дурашливости, к которой она привыкла. Только холодный, точный расчёт.

— Покажите, — сказала она.

— Завтра, — ответил он. — Я должен проверить ещё одну связь. Если я прав... это может быть опасно.

Он развернулся и ушёл.

Ида смотрела ему вслед. Впервые за двадцать лет она не могла прочитывать человека.

Она вернулась в зал через пятнадцать минут, в той же рубашке. Пятно от кофе уже начало подсыхать, оставляя тёмный след на белой ткани, прилипающей к телу. Волосы снова идеально уложены. Только кожа на ключицах ещё хранила тепло его пиджака.

Она задержалась у стола Миши, когда проходила рядом. Он сидел за своим терминалом и смотрел на старую фотографию. Мужчина с усталыми глазами, руки лежат на клавиатуре. Миша так и не заметил её. Ида не стала беспокоить, просто запомнила лицо.

В семь вечеров зал опустел, команда разошлась. Только Дэн сидел за её терминалом, изучая схему исчезновений.

Он поднял голову, посмотрел на пятно, на рубашку, на неё.

— Я думал, вы переоденетесь, — сказал он.

— Не беспокойтесь об этом.

— У вас есть запасная, в кабинете. Я видел, когда изучал ваше досье.

— Что ещё вы нашли?

Он подошёл к ней. Остановился так близко, что она чувствовала его дыхание на своей шее.

— Что вы всегда готовы ко всему. Кроме себя.

Она не ответила.

— Вы могли бы переодеться, — сказал он, глядя на пятно. — Но не переоделись. Почему?

— Потому что, — медленно сказала она, — это не так важно.

Он изучающе посмотрел на неё.

— Тогда носите, — сказал он.

Он вышел, не взглянув на пиджак. Оставил его ей. Как вызов. Как обещание. Как вопрос, на который она ещё не готова ответить.

Пиджак всё ещё висел на стуле. Она подошла и провела пальцем по ткани. На безымянном пальце левой руки белел шрам, как напоминание.

Трасса в ночное время была особенной.

Машин было мало, огни редкие, пространство расширялось. Можно было разогнаться, и это ничего не значило, просто скорость, просто ветер за стеклом, который выл на низкой ноте.

Она не поехала домой.

Она не думала ни о чём конкретном. Просто мчала в тёмную даль. Двести двадцать.

Миша сказал: «Это может быть опасно». Не для дела — для него. Мальчик нашёл что-то в старых файлах, и это что-то напугало его достаточно, чтобы понизить голос в пустом коридоре.

«Ток» появился раньше, чем лаборатория. Гораздо раньше. Этот код родился не в лаборатории? Та лаборатория была только местом, где его применили? Или где его нашли?Ида смотрела на дорогу.

Дэн сказал: «Вы не ошиблись. Ни в чем».

Это было не совсем то, что она ожидала услышать. Она предполагала встречные обвинения или молчание. Она не знала, он принял всё, что она сказала или только хотел, чтобы она так считала.

Огни встречных машин на секунду развеивали темноту, но темнота всегда возвращалась.

Она никогда ни с кем не говорила о том утре. О сестре. О том, как всё изменилось в один день, без предупреждения, без шанса подготовиться. Эти воспоминания годами лежали глубоко внутри, запертые на замок, спрятанные от чужих глаз и даже от самой себя.

И вот она сказала это ему — незнакомцу с пронзительными синими глазами и шрамами на руках. Шрамами, которые выглядят как строки кода. Машина летела в ночь.

Глава 5

Машина свернула в подземный паркинг комплекса. Светодиодные панели загорались перед ней одна за другой, словно выстраивая световой коридор, провожая к служебному лифту. В зеркале заднего вида отразилась женщина в белой рубашке, с тёмными волосами, стянутыми в тугую пучок. Ни единого выбившегося локона, ни одного лишнего движения, ни одной эмоции, которую можно было бы прочесть. Только взгляд — холодный, сосредоточенный, будто за стеклом.

Дежурный на входе, молодой парень в форме охраны, привычно кивнул ей:

— Доброе утро, Ида Сергеевна.

Она коротко кивнула в ответ, не замедляя шага.

— Вы сегодня — начал он, но осёкся и замолчал, когда она прошла мимо, оставив за собой лишь эхо шагов и едва уловимый запах парфюма.

В зале было тихо. Вчера, после того, как команда разошлась, Ида просидела в архивах до полуночи. Свет монитора выхватывал из темноты страницы старых отчётов, строки кода, даты, имена. Всё то, что годами лежало под грифом «секретно». Миша оставил на её столе папку, он нашёл подпись «ТОК» в файлах двадцатилетней давности, она нашла больше, она нашла связь.

Он распечатал старые, отсканированные фрагменты, бумага была чуть пожелтевшей по краям. Рядом с каждым листом были мелкие, угловатые пометки — почти нечитаемые, выведенные торопливой рукой, с неровными штрихами и резкими заломами линий.

Но Ида понимала не только то, что написано, она считывала состояние того, кто это писал. Дрожь в штрихе буквы «Т», чуть более сильный нажим на слове «ТОК», прерывистая линия подчёркивания у даты — всё это говорило больше, чем сами слова.

Это было похоже на чтение по губам: не просто звуки, а напряжение мышц, мимолётные движения, паузы. Или на чтение по рукам: как пальцы сжимают ручку, как дрожат на ключевых словах, как резко обрывается строка, будто автор отложил ручку на полуслове.

Миша писал быстро, местами нажим был сильнее, иногда линия обрывалась. В страхе человек пишет иначе, едва касаясь бумаги, будто боится оставить след. Здесь было возбуждение.

Она нашла в системе первый фрагмент из папок Миши. Этот фрагмент был небольшим, несколько строк. Стиль, структура, подпись в виде кода, который нельзя подделать, фальшивка сразу выдаст себя, потому что будет только выглядеть как оригинал, но работать иначе. Единственный вариант, это написать новый код, который делает то же самое, но другим способом. Миша пометил его: «структура знакома». Интересная формулировка, это могло означать, что он уже работал с этим кодом, а не просто где-то видел. Ида потянула за нить и она привела к его личному делу.

Михаил Григорьевич Соболев. Двадцать пять лет. Биография стандартная. Университет, стажировка, переход в ведомство. Рекомендации хорошие, даже очень. Фотография в деле: взлохмаченные волосы, слегка удивлённый взгляд, как будто его поймали в тот момент, когда он думал о чём-то другом.

Она не стала делать никаких пометок.

Сняла линзы, проверила прибор и снова надела линзы нить никуда не делась.

Это не значило, что он виновен. Это значило, что между ним и кодом есть связь, которую нужно понять. Нити не врут, но они не дают ответов, только направление. Ида знала это лучше, чем кто-либо в отделе.

Она закрыла личное дело и начала ждать команду.

Сегодня Олег пришёл первым, вошёл в восемь сорок, привычным маршрутом прошёл к своему терминалу, поставил ноутбук, прижав к себе за секунду до того, как опустить на стол. Потом начал раскладывать что-то на рабочей поверхности, без спешки, будто по инструкции.

Ида наблюдала.

Его движения были отточенными и чёткими. Левая рука легла на столе рядом с ноутбуком, и на тыльной стороне открылась, всего на долю мгновения, татуировка. Маленькая, почти незаметная. Манжет его рубашки чуть приподнялся, когда он наклонился над клавиатурой. Ида разглядела: «1703», как номер дела, которое она искала двадцать лет.

— Олег Иванович, вы давно в ведомстве?

— Восемнадцать лет, — ответил он. Голос ровный, усталый, как всегда.

— Что вы делали до этого?

Короткая пауза, так бывает, когда выбираешь, что сказать.

— Были разные проекты.

— Вы работали с нейроинтерфейсами?

Ещё одна пауза.

— В том числе.

— Что это за татуировка?

Олег отдернул рукав, но сделал это слишком быстро.

— Молодость, — сказал он. — Глупая молодость.

Он смотрел в ноутбук, взгляд опущен, плечи спокойные, ничего странного. Человек, который умеет молчать не потому, что боится, а потому, что давно решил: некоторые вещи лучше не произносить.

Ида посмотрела на его руку ещё секунду.

— Хорошо, — сказала она и вернулась к своему столу.

Давить не стала, иногда давление закрывает двери, которые сами откроются чуть позже. Олег знал больше, чем говорил, Ида это отметила.

Остальные вошли в зал ровно в девять.

Миша сел на своё место и смотрел на фотографию, тот же мужчина, что и в прошлый раз. Ида подошла ближе.

— Кто это? — спросила она.

Он вздрогнул, будто его застали за чем-то постыдным.

— Мой отец, — ответил Миша. — Он работал в лаборатории. Исчез после того, как... после всего.

Ида смотрела на фотографию. Мужчина с потухшим взглядом, как и у многих из тех, кто работал с кодом.

— Я ищу его, — сказал Миша. — Как и вы своего.

Она кивнула и пошла к своему столу, в этот раз она не стала спрашивать подробнее.

Дэн вошёл последним с чёрным кофе в стаканчике.

Серые глаза скользнули по лицам, Ида выслушала короткие отчеты коллег.

В половине десятого она и Дэн выехали в реабилитационный центр.

Машина Иды скользила по утреннему городу, оставляя за собой шлейф холодного красного света. Дэн сидел на пассажирском месте, вытянув ноги, и смотрел в боковое стекло. Город проснулся, открылись кафе, загорелись витрины, люди спешили по своим делам. Они ехали в тишине, каждый думал от своём.

— Вы нашли что-то в архивах, — нарушил тишину Дэн.

— Я нашла след, — ответила она.

— Который ведёт к Мише.

— Да, именно тот, что ведёт к Мише, — твёрдо подтвердила Ида, глядя на собеседника. Дэн повернул голову, и тоже посмотрел на неё.

— Вы думаете, его подставляют.

— Я думаю, что кто-то хочет, чтобы я думала именно так, — ответила она.

— И что вы будете делать?

— Наблюдать, — сказала она. — Кто-нибудь обязательно допустит ошибку. Или Миша, или тот, кто за всем этим стоит.

Дэн улыбнулся одними уголками губ.

— Вы всегда так делаете? — спросил он. — Идёте до конца, даже когда не знаете, где правда?

— Всегда, — ответила она, не дрогнув ни единым мускулом.

Он быстро посмотрел на неё и снова отвернулся к дороге.

Реабилитационный центр стоял на границе старого и нового района, там, где советские панельные дома соседствовали с корпусами из стекла и бетона. Вывеска над входом: «Центр восстановительной нейрореабилитации». Под ней изменены буквы: «Программа «Глубокий код»». Ида припарковалась и вышла.

Здание было старым, типичным для дотехнологичной эпохи: серый бетон, узкие окна, металлические двери. Но внутри оно сияло. Светодиодные панели, голографические схемы, стерильность.

Директор ждал их в холле. Вернее, не ждал, он встретил их с тем лицом, с каким встречают незваных гостей. Средних лет, в сером костюме, в тонких очках, руки лежат перед собой и слегка дрожат, когда он листает файлы.

— Следователь Лёдова, — сказал он. — Я уже объяснил вашим коллегам. Конфиденциальность пациентов защищена законом. Без соблюдения требований я не могу...

— Мы понимаем, — сказал Дэн.

Он стоял чуть позади Иды, и голос его был ровным, спокойным, даже немного мягким. Директор посмотрел на него. Дэн не двигался, не улыбался, не давил. Просто смотрел.

— Мы уже передали все данные вашим коллегам, — говорил он, не глядя в глаза. — Все трое были выписаны по медицинским показаниям. Полная амнезия, отсутствие когнитивных функций...

— Я читала отчёты, — перебила Ида. — Я хочу посмотреть их палаты.

— Это невозможно, — директор побледнел. — Там сейчас другие пациенты...

— Это возможно, — произнёс Дэн ровным, размеренным тоном. .

Директор вздрогнул и отступил на шаг, сам не понимая почему. Что-то неуловимое в интонации заставило его кожу покрыться мурашками, а напряжение повисло в воздухе.

Ида это почувствовала, как будто температура в комнате повысилась градус. Директор моргнул и его плечи чуть опустились, складка между бровями разгладилась.

— Разумеется, — сказал он после паузы. — Пройдите, пожалуйста.

Палаты располагались на третьем этаже. Длинный коридор, двери с матовыми стёклами, тихие голоса медперсонала. Ида надела линзы, не замедлив шаг.

Паутина раскрылась сразу.

Палаты были пусты и в этой стерильной тишине, нити были особенно яркими. Они тянулись от стен, от кроватей, от систем жизнеобеспечения, сплетались в узлы, расходились снова. Ида медленно обходила палату за палатой разбирая узлы. Одна нить была чуть ярче остальных, тянулась к палате с номером семь. Узел у кровати, это означало, что кто-то часто стоял здесь. Узел у окна и на настенном терминале — небольшой прибор, подключенный к центральной системе центра.

Она коснулась нити от терминала, нить потянулась вниз, через перекрытие, к серверной в подвале, к базе данных. И снова туда же, куда тянулась нить из кода в письме Миши. Ида остановилась.

— Вы что-то нашли — медленно проговорил Дэн, и его взгляд стал острым, цепким.

Он стоял в дверях, прислонившись к косяку и наблюдал за ней, она чувствовала это, даже не оборачиваясь.

— Один и тот же человек в двух точках: в реабилитационном центре и в наших данных. — Она ещё немного подумала. — Нить ведёт к тому, кто писал код или к тому, кто его использовал.

— К Мише?

Ида повернула к нему голову, Дэн смотрел на неё с тем же ленивым спокойствием, но в глубине его глаз мерцало что-то тёмное.

— Слишком просто.

Он подошёл ближе, остановился в шаге от неё, так близко, что она ощутила его тепло его тела.

— И что вы будете делать?

— Пока наблюдаю, — сказала она.

Дэн не стал спрашивать дальше, просто воспринял это как рабочее решение и отступил в сторону, позволяя ей выйти первой.

В коридоре, когда они снова подошли к лифту, он вдруг остановился. Она увидела это боковым зрением и тоже остановилась. Его рука медленно поднялась. Пальцы плавно и легко коснулись её щеки, почти невесомое движение, от скулы вниз. Одно касание в долю мгновения.

Она не отшатнулась.

Он убрал руку и зашёл в лифт.

Она осталась в коридоре и смотрела в пустоту. Слышала, как бьётся её сердце. Сто пятьдесят ударов в минуту.

В отдел они вернулись к шести.

Лена сидела за своим терминалом, вжавшись в кресло, и смотрела на экран. Ида раньше не видела такого взволнованного лица, обычно Лена держала себя ровно, даже когда что-то шло не так. Сейчас ее пальцы не отстукивали ритм по поверхности, она просто смотрела на схему.

— Что у вас? — спросила Ида, проходя мимо.

Лена подняла голову.

— Я нашла кое-что, Ида Сергеевна.

Она протянула планшет. На экране список имён, те три человека из реабилитационного центра, которые исчезают.

— Все трое получили письма за день до исчезновения, — сказала Лена. — Всё официально, приглашения на повторное обследование.

— Откуда ушли? — спросила Ида и взяла планшет. Провела пальцем по экрану. Адрес старый, выведенный из всех реестров. Тот самый, где двадцать лет назад работал её отец.

— Из закрытой лаборатории, — ответила Лена ровно.

Ида не изменилась в лице.

— Сервер официально отключён. Кто-то использовал старый сервер, который числится уничтоженным с две тысячи четвёртого года, чтобы разослать приглашения.

Ида медленно положила планшет на стол.

— Кто имел к нему доступ?

— Только те, кто работал в лаборатории, — тихо сказала Лена. — Ваш отец. И...

Она прикрыла глаза, слегка отклонив голову назад, и помолчав немного, ответила:

— Второй неизвестен. Логин создан за несколько месяцев до закрытия. Ни биографии, ни следов. Он заходил в систему регулярно, последний раз три недели назад.

Дэн нарушил тишину:

— Возможно это тот, кто обнулil Воронова.

— Или тот, кто работал рядом с ним, — ответила Лена. — Этот человек знает систему изнутри.

— Лена, — сказала Ида. — Этот второй логин. Попробуй восстановить историю входов за двадцать лет.

— Уже занимаюсь этим, — ответила Лена.

Ида кивнула, Лена уже отвернулась к экрану, пальцы снова забегали по клавиатуре. Ида ещё на минуту задержалась у её стола. Смотрела на адрес на планшете. На имя, которого не было. На нить, которая вела в прошлое — туда, где отец ещё улыбался, а сестра смеялась на фоне моря.

Шрам на безымянном пальце горел.

Она вернулась в свой кабинет и положила перед собой планшет Лены.

Имя, которого нет.

Она уже собиралась уходить, когда Миша окликнул её.

— Ида Сергеевна.

Она сидела за своим столом и смотрела на него ровно, без всякого выражения. Он стоял у своего терминала, бледный, с планшетом в дрожащих руках.

— Вы нашли ту нить, да?

— Какую нить? — спросила она.

— Ту, что ведёт ко мне.

Ида медлила с ответом.

— Я знал, что найдёте, — сказал он. — Вы слишком хорошо ткёте паутину, чтобы не найти.

— Расскажи мне про подпись, — сказала она. — Которую ты нашёл в старых файлах.

Он наконец поднял голову. В его взгляде не было страха.

— Я нашёл «ТОК» в базе данных системы, которую использовал при разработке стандартных нейроинтерфейсов. Подпись появилась раньше, чем лаборатория вашего отца. Значит, код родился не там.

Ида подошла ближе и посмотрела на код, который кто-то переписал, как фальшивую подпись на чужой картине.

— И ещё. Кто-то поставил саму подпись в базе данных, но уже после того, как я ее нашёл. Несколько строк в архиве исчезли. Вчера ночью.

Ида смотрела на него.

— Кто? — спросила она.

Миша молча смотрел на свои руки.

— Я не знаю, — ответил он. — Но я знаю, что вы подозреваете меня.

Ида положила планшет на стол.

— Завтра, — сказала она. — Покажете мне всё.

Постепенно команда рассеялась.

Ида осталась в кабинете. Часы показывали час ночи, когда дверь открылась, она не обернулась, узнала шаги.

Дэн прошёл к её столу и поставил рядом два контейнера.

— Что вы делаете? — спросила она.

— Ужинаю, — ответил он. — Со своим напарником. Который забывает, что люди должны есть.

Она смотрела на него, в его глазах, там, где обычно пряталась ленивая усмешка, теперь мерцало что-то другое.

— Это ужин. Два человека, которые работают вместе, едят вместе. Иногда это просто еда.

Она посмотрела на контейнер. Паста с трюфелем.

— А иногда?

— А иногда, — он шагнул ещё ближе, и его голос стал тише, — это способ узнать, есть ли у твоего напарника пульс.

Она смотрела на него не моргая. Сто сорок в минуту.

— У меня есть пульс, — сказала она.

— Знаю, — ответил он. — Я чувствую.

— Что вы будете делать, когда найдёте его?

Она отложила вилку, ей захотелось сказать правду. Не факты, не выводы, не улики. Правду.

— Я боялась, что, когда найду его, убью, — сказала она. — Теперь я боюсь, что не смогу.

Он молчал. Долго. Так долго, что она снова взяла вилку, чтобы заполнить тишину.

— Вы не убийца, — сказал он наконец.

— Откуда вы знаете?

— Потому что убийца не сидит в пустом кабинете в час ночи и не ест пасту с трюфелем с человеком, которого подозревает.

Она подняла глаза. Он смотрел на неё с той самой ленивой усмешкой, но в глубине его глаз было что-то тёплое.

— Я не подозреваю вас, — сказала она.

— Вы подозреваете всех. Это ваша работа.

— Это моя жизнь, — поправила она.

— Тогда позвольте мне стать её частью, — сказал он. — Хотя бы на время ужина.

Она почувствовала, как кровь приливает к щекам. Сто пятьдесят ударов в минуту.

— Это не свидание, — сказала она.

— Конечно нет, — он наклонился ближе, так, что она чувствовала его дыхание.

— Если вы решите, что я тот, кого вы ищете, — сказал он, — вы придёте за мной. Я знаю. Но пока вы не решили...

Он наклонился и поцеловал её в уголок губ, почти невесомое касание.

— Доброй ночи, — сказал он.

И вышел.

Глава 6

Ида задумчиво провела пальцем по уголку губ, словно стирая едва ощутимое касание Дэна. Поцелуй не исчезал, будто отпечатался на коже и в сознании одновременно.

Она резко развернулась и пошла в душ. Включила ледяную воду, сразу на полную мощность, и встала под струи прямо в одежде. Холод пронзил тело мгновенно: рубашка тут же прилипла к коже, брюки потяжелели, волосы намокли и прилипли ко лбу.

Она стояла так, не шевелясь, пока не перестала ощущать плечи, потом руки, потом всё тело. Пока кожа не онемела настолько, что стало всё равно и на холод, и на касание, и на то, что было минуту назад. Это был надёжный, старый способ: когда эмоции захлёстывают, дать телу такую нагрузку, чтобы оно забрало всё на себя. Тело занято — голова свободна. Или наоборот: когда нужно, чтобы голова замолчала, тело берёт на себя всё.

Вода стекала по лицу, время потеряло смысл.

Только когда случившееся перестало жечь изнутри и превратилось в простое воспоминание, она выключила воду и вышла.

Сняла промокшую одежду, вытерлась насухо и надела строгий тёмный костюм. Застегнула белую блузку на все пуговицы, последовательно, без спешки, одну за другой. Волосы собрала в тугий пучок: ни единого выбившегося локона, ни намёка на небрежность. Каждое движение выверенное и отточенное, как ритуал.

В зеркале отражалась женщина, которая не позволяла себе чувствовать. Которая не чувствовала двадцать лет. Которая, возможно, не чувствовала никогда.

— Ты в порядке, — сказала она своему отражению, глядя прямо в глаза.

Ответа не было. Только тишина и холодный взгляд. Взгляд, который она тренировала годами. Взгляд, за которым ничего не было. Или за которым было слишком много и поэтому пришлось спрятать всё.

Отдел в четыре утра встречал её привычным синим светом мониторов, папками на полках и тишиной без фонового шума, без людей, которые играют свои роли. Она села за свой терминал, открыла файлы.

Биография сотрудников лаборатории она изучала её уже несколько раз, но всегда с одним и тем же фильтром: имена, даты, должности. Сегодня она убрала фильтр и просто читала. Всё подряд, включая технических консультантов, охрану, людей, которые упоминались в сносках и примечаниях.

В пятом часу утра она наконец его нашла.

Всего лишь строчка в старом отчёте, и именно она ускользала от её внимания все эти месяцы. Имени не было: лишь восьмизначный код доступа, трижды мелькнувший в системных журналах и больше нигде не фигурировавший. Человек, которого не существовало ни в одном реестре, ни в одной базе данных и всё же он возникал в самые критические моменты, словно тень, скользящая по краю кадра.

Семь лет она охотилась за исполнителями, десятки лет за заказчиками. А он он был никем. Призраком, не оставлявшим следов, лишь едва заметные прорехи в ткани событий, которые она так долго пыталась сплести в единую картину.

За окном медленно разгорался рассвет, окрашивая небо в бледные, почти призрачные тона.

— Ты здесь, — раздалось за спиной.

Он не подошёл ближе. Остановился у соседнего терминала, включил экран, не глядя на неё.

— Ты нашла что-то в архивах.

— Я нашла тень. Человека, которого не было.

— Имя?

— Только код доступа, он использовался три раза. В день, когда сестру впервые подключили к системе. В день вживления 7Ф. И за день, до того, как обнулили Воронова.

Она следила за его лицом, привычка считывать реакцию на то, чего человек не ожидает увидеть.

Он не удивился.

— Думаешь, этот человек связан с Током?

— Я думаю, что «ТОК» — это не один человек, — ответила она. — Это подпись, способ сказать: «Я здесь». Но тот, кто пишет код сейчас, не тот, кто писал его двадцать лет назад. Или не совсем тот.

Дэн всё знал. Ида поняла это мгновенно по его реакции, в которой не мелькнуло и тени удивления. Он держался так, словно давно предвидел этот момент: спокойно, почти отстранённо, с тем терпеливым ожиданием, с каким мудрый наставник ждёт, пока ученик сам дойдёт до верного вывода. Его взгляд не дрогнул, губы не изогнулись ни в усмешке, ни в замешательстве — будто всё происходящее лишь подтвердило то, что ему было известно давнымдавно.

— Откуда ты это знал?

— Ты сама сказала, — он повернулся к экрану. — Про подделку и про гения, который оставляет след. Если код мутирует, значит, кто-то его переписывает. И этот кто-то понял его так же глубоко, как первый автор. Или это тот же человек под новой маской.

— Или тот, кто учился у первого, — сказала она.

Дэн не ответил, только и взял свой стакан и повернулся к экрану.

Мысль о «человеке, которого не было» не отпускала Иду, но рабочий день уже начинался. К девяти часам зал начал заполняться.

Ида стояла у своего терминала, просматривая вчерашний отчёт Лены.

— Доброе утро, — тихо сказала Лена, проходя на своё место и открывая планшет. — Источник активации сервера распознать не удалось. Кто поднял уничтоженный сервер и восстановил удаленный доступ узнать невозможно. Имя владельца второго логина тоже не поддерживается, слишком глубокая чистка. Но я нашла кое-что другое. Тот же сервер использовался для рассылки не только в центр. Я нашла ещё два адреса, оба принадлежат закрытым клиникам. До закрытия они работали с нейро-имплантами последнего поколения. Деньги поступали не напрямую от «Нейро-Интеграции», а через посредника. Через фирму, которая формально была отделена, но фактически работала на них.

— Продолжайте, — сказала она. — Мне нужно знать, кто получал эти письма.

Лена кивнула и отвернулась к экрану.

Миша вошёл через пять минут, как всегда взлохмоченный и с красными глазами. Сегодня он был тише обычного, без лишних движений, без вопросов, которые не ждут ответа. Что-то изменилось в нем за последние дни, Ида это видела. Он вошел и с ходу начал докладывать:

— «ТОК» — это не копия оригинального кода, — сказал он. — Это его основа. Та самая структура, которую написал ваш отец. Кто-то использовал оригинальную, не модифицированную версию, не адаптацию. Доступ к оригиналу был только у него.

Он развернул планшет, схема, код, светящиеся линии.

Ида смотрела на экран. Узнавала каждую строчку. Тот самый код, который она видела в детстве. Который нашла в архиве вчера. Который обнулил её сестру.

— Вы оба хорошо потрудились.

Лена, не оборачиваясь, чуть заметно кивнула, Миша засиял.

Олег, как всегда, сидел в углу с ноутбуком. Ида подошла к нему.

— Олег?

Олег поднял голову, в его потухшем взгляде мелькнула настороженность.

— «Нейро-Интеграция» закрыла все счета, связанные с лабораторией, за день до смерти Воронова. Все, кроме одного.

Олег развернул ноутбук, Ида наклонилась.

— Счёт был открыт на подставное лицо. Но система умного дома Воронова была привязана к нему. Кто-то исправно оплачивал его квартиру на протяжении почти двадцати лет.

— Кто-то, кому было выгодно его молчание, — сказала Ида.

— Или чтобы он не исчез, пока не понадобится, — закончил Олег.

— Продолжайте. Я еду в центральный архив, Дэн со мной.

Центральный архив располагался в подвале главного корпуса, куда редко спускались без необходимости. Лестница без лифта, запах старой бумаги и металла, флуоресцентные лампы, которые гудели чуть громче, чем следовало бы.

Они шли молча. Ида впереди, Дэн на полшага сзади.

— Здесь, — сказала она, останавливаясь перед металлической дверью. — Старые дела двадцатилетней давности.

— Вы уже были здесь?

— Нет. Я искала в цифровых копиях. Но то, что нужно мне, не оцифровывали.

Она приложила ладонь к сканеру. Дверь открылась с шипением, выпуская облако холодного воздуха.

Внутри было темно, Ида включила свет, старые лампы замигали, разгоняя тени. Стеллажи, коробки, папки. Всё серое и пыльное.

— Вы знаете, что ищете? — спросил Дэн.

— Номер дела, — ответила она, проходя между стеллажами. — Дело «1703» было оцифровано двадцать лет назад. Его не было в электронной базе, оцифровали и потом удалили. Но я видела его в отчёте, который нашла вчера, есть только бумажная копия, в центральном архиве.

— В отчёте, который вел к Мише?

Она остановилась и повернулась к нему. В полумраке его лицо было особенно чарующим.

— Вы думаете, я ошибаюсь?

— Я думаю, вы ищете то, что хотите найти, а не то, что есть.

— Я ищу правду, — сказала она. — Всегда.

— Правда не всегда там, где её ищут, — ответил он. — Иногда она там, куда бояться смотреть.

Она отвернулась и пошла дальше. Ей удалось найти коробку с нужным номером. Дело 1703. Ида слышала этот номер двадцать лет назад, когда его засекретили. Тогда она была ребёнком, чтобы понять. Потом он всплывал в обрывках разговоров, в намёках, в татуировке на руке Олега, которую он так тщательно прятал.

Она пыталась получить доступ к нему сотни раз. Каждый раз получала отказ. Дело числилось уничтоженным. Спрятанным в архивах, куда даже у неё не было доступа.

А теперь оно лежало перед ней, и она просто смотрела, будто настраиваясь, подготавливаясь к тому что внутри. Она знала, что там правда об отце. Та, которую она двадцать лет откладывала.

Но открыв коробку она обнаружила только одну тонкую, почти пустую папку.

Она ожидала большего. Засекреченное дело, люди, которые молчали и умирали. А здесь три листа.

Акт о списании оборудования. Стандартная форма, подключение, печать.

Заявление о переводе пациента К-19. Капли воды попали на графы «Имя» и «Возраст». Чернила расплылись, оставив вместо букв и цифр серые разводы.

Третий почти чистый. Только в углу несколько строк кода. Мелко, как если бы кто-то писал быстро, почти не нажимая.

Она провела пальцем по строчкам.

— Что это? — спросил Дэн, подходя ближе.

Дэн склонился над папкой и тоже провёл пальцем по коду. Ида заметила: его рука на секунду задержалась.

— «ТОК»?

Она смотрела на строки кода. Они были другими, не такими, как в делах тока. Корявые, неуклюжие, будто их писал не гений, а человек, который только учился.

«Черновик», — подумала Ида. — «Набросок. То, с чего всё начиналось.»

— «ТОК» появился позже. Это

Она не договорила, потому что Дэн перебил её.

— Это не «ТОК», — сказал он уверенно. — Это черновик. Ваш отец ошибался в третьей ветке. Видишь? Здесь переменная не инициализирована. Такой код не работает.

Ида посмотрела туда, куда он указывал. И действительно — ошибка. Детская, почти смешная для такого гения.

— Ты прав, — сказала она.

Дэн кивнул, удовлетворённый, Ида сделала фото.

— Это код, который написал мой отец, — сказала она, когда они въехали в тоннель под центром города. — За год до того, как всё произошло. Он лёг в основу или стал тем, что «ТОК» извратил.

— Ты думаешь, отец был связан с током?

— Не знаю. Он никогда не говорил о работе. Я думала, он просто... программист. Обычный программист.

— А он был не обычным?

— Он был гением, — сказала она. — Я поняла это, когда увидела его код. В день, когда сестра перестала быть собой. В тот день я приехала домой раньше следователя и уничтожила всё, что могло связать его с тем, что случилось. И это сделало меня соучастником.

— Ты не соучастник, тебе было 13 лет. Ты была ребёнком, который защищал отца.

— Я боялась, — сказала она. — Боялась, что если найду правду, то узнаю, что он не был жертвой, что он был частью системы.

— А если он был?

Она повернулась к нему.

— Тогда я найду того, кто это сделал, — ответила она. — И сделаю с ним то же, что он сделал с ней.

— Что ты сделаешь с этим кодом? — спросил Дэн, не глядя на неё. — Уничтожишь? Или используешь?

— Не знаю, — ответила она. — Пока не знаю.

Он не ответил, скользнул взглядом по её лицу и снова отвернулся к дороге.

В отдел они вернулись к восьми вечера. Миша сидел за терминалом один, остальные уже ушли. Ида поставила рядом с ним свежий кофе, он вздрогнул от неожиданности.

— Не сгори.

Он посмотрел на неё, потом на чашку.

— Я нашёл ещё кое-что, — сказал он. — Тот код с сервера, о котором я говорил утром... я точно нашёл, откуда он взялся.

Она остановилась, он поднял на неё глаза. Он был бледен и вымотан.

— С того же сервера, что и письма. Сервер, который числится уничтоженным.

Ида подошла ближе, взглянув на экран. Проклятая, невозможная, извращённая красота кода. Она уже собиралась уходить, когда Дэн подошёл к терминалу Миши.

— Дай взглянуть, — сказал он, кивнув на экран. — Смотри, тут у тебя странная аномалия по финансовым потокам.

Миша подвинулся, освобождая место. Дэн склонился над клавиатурой, пальцы быстро и уверенно забегали по клавишам.

— Вот здесь, — он коснулся экрана в том месте, где график уходил в резкий пик. — Смотри, транзакция уходит на подставной счёт, а оттуда...

Он не договорил, потому что экран мигнул, потом ещё несколько раз и завис. Миша пытался его оживить, и строки кода хаотично стали появляться и исчезать, будто система пыталась перезагрузиться и не могла.

— Что за... — Миша наклонился ближе.

— Перегруз, — Дэн нахмурился, изображая озабоченность. — Я, кажется, задел один из старых протоколов. Сейчас исправлю.

Его пальцы снова забегали по клавишам, но теперь они двигались иначе. С холодной, просчитанной точностью. Он не исправлял ошибку, он открывал то, что было скрыто двадцать лет.

Экран вспыхнул и система наконец-то перезагрузилась. На мониторе высветился знакомый интерфейс.

— Готово, — сказал Дэн, отстраняясь. — Извини за сбой.

Он протянул руку, чтобы закрыть окно, но Миша его опередил.

— Стой, — сказал Миша, вглядываясь в экран. — Я ещё кое-что проверю.

Дэн отошел, уступая Мише.

— Странно, — Сказал Миша озадаченным тоном, вглядываясь в экран. — Там, где раньше было пусто, теперь горит маленькая красная метка. Кто-то вошёл в закрытый архив. Час назад.

Он развернул экран, Ида подошла ближе пристально вглядываясь.

— Не через наши сервера, — продолжал Миша. — Через внешний шлюз, виртуальная машина в облаке. Кто-то очень осторожный и очень неосторожный одновременно.

Дэн стоял в тени, чуть в стороне от основного освещения, и выглядел спокойным, даже немного сонным. Он слегка прислонился к стене, скрестил руки на груди, будто просто наблюдал за ходом работы, лениво, без особого интереса.

Никто не заметил, как его пальцы, почти незаметно, скользнули к краю панели управления — всего на мгновение, в тот самый момент, когда система «перезагружалась». Экран моргнул, по нему пробежала волна помех, и все невольно отвлеклись на этот короткий сбой.

Никто не увидел, как его указательный палец чуть задержался на сенсорной поверхности — лёгкое, почти невесомое касание, — и в этот миг красная метка появилась именно там, где он хотел. Точно в нужной точке схемы, рядом с узлом, который ещё минуту назад был помечен как «неактивный».

— Ты можешь его отследить? — спросила Ида.

Миша покачал головой.

— Он использовал прокси-цепочку. Но одну... он не смог скрыть. Адрес той самой лаборатории, где всё началось.

Ида смотрела на экран, на IP, который вёл в прошлое. На дату и время: сегодня, час назад.

Кто-то вернулся туда, где когда-то работал. Кто-то не выдержал двадцати лет тишины. Или ошибся, или хотел, чтобы его нашли.

Дэн внимательно смотрел на Иду, она скопировала лог на свой планшет.

— Разберёмся.

Миша ушёл и в зале остались только Ида и Дэн.

Она подняла голову. Встретила его взгляд в полумраке кабинета. Он смотрел на неё спокойно, без вызова, без игры.

— Вы думаете, я его найду?

— Я знаю, что вы его найдёте, — ответил он. — Вопрос в том, что вы сделаете, когда это случится.

Она молча провела пальцем по шраму на безымянном.

— Я не знаю, — сказала она. — Но вы будете рядом?

Он не ответил, только кивнул. Она смотрела в окно, на засыпающий город.

— Я рядом, запомни это.

Она не смотрела на него, но через минуту, когда она обернулась, его уже не было. Остался только его запах.

Глава 7

Она не ожидала увидеть его в этот час. Открыв дверь в зал, Ида остановилась на пороге, поражённая этой картиной: Дэн сидел за её терминалом. Он не работал, просто смотрел на тёмный экран, в котором едва заметно отражался просыпающийся город, окутанный предрасветной дымкой.

— Я знал, что ты придёшь рано, — произнёс он, не оборачиваясь.

— Я всегда прихожу рано, — ответила она коротко.

Ида прошла к своему столу и опустилась в кресло напротив. Между ними лежали привычные предметы: стеклянная столешница, два монитора, открытая папка с незавершённым делом и тишина.

— Ты нашла что-то? — спросил он, наконец повернув к ней голову.

— Да, — сказала Ида. — Я нашла его. Он жил не по адресу регистрации, в квартире, считавшейся пустующей и оформленной на другое лицо. И ещё Он знал моего отца. Был в лаборатории в тот день.

Она протянула ему планшет. На экране высветилась старая фотография: группа учёных в белых халатах, дата, двадцать два года назад. Ида указала пальцем на мужчину лет пятидесяти в дальнем углу снимка.

— Пётр Ветров, — сказала она. — Биофизик. Специалист по нейро-интерфейсам. Исчез через месяц после того, как сестра перестала быть собой. Позже был найден уже умершим.

Дэн взял планшет и стал внимательно разглядывать фотографию.

— Думаешь, он знает, кто стоит за всем этим?

— Я думаю, он может знать, кто запустил код, — ответила она. — И кто его остановил. Он поднял глаза и встретил её взгляд. В его глазах не было вопроса, он всё понимал.

— Вы хотите найти его.

Она не ответила, только смотрела на свои руки, на шрам.

— Ида, — сказал он.

Она подняла голову.

— Я здесь, не для того, чтобы мешать, и не для того, чтобы спасти. Для того, чтобы быть рядом, если ты позволишь.

Она смотрела на него и пульс поднимался, сто сорок ударов в минуту. Ровно.

— Хорошо, — сказала она, — Выезжаем сейчас.

Неоновый яркий свет центра остался где-то далеко за спиной. Здесь, на окраине, время замедлило свой бег. Здесь не было света и не было жизни. Только серый бетон, узкие окна и ржавая дверь, за которой когда-то кипела наука, а теперь только пыль.

Ида вышла из машины, Дэн остановился рядом.

— То место? — спросил он.

— То самое, — ответила она и шагнула внутрь. Дэн за ней. Тишина давила на уши.

— Здесь, — сказала она, останавливаясь перед дверью с номером 1703.

— Тот же номер, что и в архиве, — заметил Дэн.

— Не случайно.

Она постучала. Тишина. Постучала ещё раз.

Дверь открылась. На пороге стоял мужчина лет семидесяти. Худой, сгорбленный, с руками, которые дрожали, когда он поправлял очки. Глаза выцвели, но всё ещё живые.

— Пётр Ветров? — спросила Ида.

Он долго смотрел на неё. Каждая секунда тянулась, как минута, а его неподвижный взгляд будто сковывал движения.

— Вы похожи на него, — сказал он наконец. — На отца.

— Вы знали его.

— Я работал с ним.

Он отступил, пропуская их внутрь.

Квартира была маленькой, тесной, заставленной книгами и старыми компьютерами. На стенах висели схемы, которые Ида узнала. Код, который она видела в детстве. Код, который написал её отец.

— Вы знаете, что случилось с моей сестрой, — сказала она, не спрашивая.

Ветров сел в кресло, сцепив пальцы, его руки дрожали.

— Я знаю, что произошло в тот день, — ответил он. — Я знаю, кто запустил код. Я знаю, кто его написал.

— Кто?

Он поднял глаза и посмотрел прямо в её глаза, перевёл взгляд на Дэна и снова на неё.

— Вы готовы услышать правду? — спросил он. — Даже если она разрушит всё, что вы знали?

Она сжала пальцы в кулак.

— Говорите, — сказала она.

— Он не хотел этого, — сказал Ветров. — Ваш отец создал код для восстановления памяти. Для лечения от других нейрозаболеваний. Он запустил его на вашей сестре. Я был там, я видел это.

Ветров покачал головой, Ида смотрела на него не отрывая взгляда, читая его по мимическим мышцам, как раскрытую книгу. Он не врал, не давал ложных показаний. Только что Ида получила подтверждение вины своего отца.

— И ещё, — Ида протянула ему планшет со старой фотографией. Лаборатория, группа в белых халатах, дата в углу. Она указала на мужчину в тени. — Вы знаете этого?

Ветров посмотрел и немного помолчав ответил.

— Корсаков, — ответил он. — Алексей Корсаков, инвестор.

Она кивнула, убирая планшет. Она знала эту фамилию, просто вложилась во многообещающий проект.

— Почему вы не пошли в полицию?

— Боялся, — сказал он. — Знал, что найдут. И ждал вас.

— Меня?

— Ваш отец говорил, что вы придёте. Что закончите. Перед тем, как

Он не договорил.

— Я закончу, — сказала она.

— На флешке всё, что я знаю, — сказал он, протягивая накопитель. — Дневники вашего отца. Записи экспериментов. Вы сами увидите, что он делал.

Ида и Дэн вышли на улицу, моросил мелкий, холодный дождь. Город растворялся в серой дымке тумана. Ида села за руль, нажав на кнопку зажигания завела мотор.

Машина дёрнулась, но осталась на месте. Ида раздумывала от чём-то с непроницаемым лицом. Пару минут спустя она резко заглушила мотор и не сказав ни слова открыла дверь и вышла из машины.

Он точно знает больше, чем говорит, решила она. В его глазах было что-то.

— Ида? — голос Дэна был спокойным, без паники, но озадаченным.

Она уже шла обратно к подъезду. Остановилась на секунду, чтобы ответить:

— Оставайся здесь, всё хорошо. Не беспокойся обо мне.

Она не ждала ответа, сразу исчезла в подъезде.

Дэн сидел в машине и просто ждал, не отрывая взгляда от подъезда и слушал шум дождя. В какой-то момент закрыл он глаза вспоминая её лицо, когда она сказала «оставайся здесь». И понял: она вернётся не с пустыми руками или не вернётся вообще. Но он ждал.

Она вернулась через десять минут. Молча села за руль и завела мотор не глядя на него.

— Всё хорошо? — спросил он.

— Он сказал, что мой отец жив, — ответила она, продолжая смотреть вперёд.

— Вы верите ему?

— Я верю, что он сказал то, что хотел сказать. Остальное — я найду сама.

Она тронулась с места. Машина бесшумно скользнула в утренний город.

В отделе было тихо, когда они вернулись. Лена и Олег сидели в зале, склонившись над мониторами.

— Ида Сергеевна, — Лена подняла голову. — У нас задержанный по делу «Алхимик», — Лена подняла голову. — Сознётся, что помогал подделывать логи, но отказывается называть заказчика.

— Я займусь, — сказал Дэн.

Она посмотрела на него и кивнула.

Допрос подозреваемого по делу «Алхимик», кража алгоритмов.

Кабинет для допросов был маленьким, тесным, с единственным окном, выходящим в серую стену. За столом сидел мужчина лет тридцати, в дешёвом костюме, с дрожащими пальцами, которые он сцепил в замок. Взгляд уставлен в столешницу. Техник из лаборатории, который помогал подделывать логи доступа...

Рядом сидел адвокат. Дорогой костюм, спокойная улыбка, расслабленная поза. Листает бумаги, не глядя на клиента. Чувствует себя хозяином положения.

Дэн вошёл один. Без папки, без вопросов. Сел напротив, откинулся на спинку стула. Не спешил, каждое движение, просчитанно до миллиметра.

Тишина.

Секунда. Пять. Десять. Адвокат поднял голову, усмехнулся.

— Мы ждём каких-то вопросов, или это метод?

Дэн не ответил. Смотрел на техника. Тот не поднимал глаз.

— Мой клиент сотрудничает, — добавил адвокат. — Ему нечего скрывать. Если у вас есть доказательства, предъявите. Если нет, то мы уходим.

Дэн повернулся к нему. Посмотрел с небрежностью, почти лениво. Адвокат сбился на мгновение, слишком короткое, чтобы это заметил кто-то посторонний. Дэн заметил.

Снова тишина.

Техник начал теревить край рукава. Раз. Другой. Третий.

— Вы знаете, что такое код, — сказал Дэн.

Не спросил. Констатировал.

Техник поднял глаза. Встретился взглядом на секунду — и снова уставился в стол.

— Код, который вы видели, — продолжил Дэн. — Он вам понравился.

— Это не вопрос, — вмешался адвокат. — Мой клиент...

— Ваш клиент не спал три ночи, — перебил Дэн, не повышая голоса. — Он смотрел на строки. Перечитывал. Пытался понять. Потому что код был красивым.

Техник дёрнулся. Совсем слабо. Адвокат посмотрел на клиента, нахмурился.

— Вы не брали денег, — продолжал Дэн, глядя только на техника. — Вы взяли код. Чтобы смотреть. Чтобы научиться.

— Это неправда, — голос техника сорвался на высокую ноту. — Я...

Дэн наклоняется ближе. Не для того, чтобы войти в доверие, чтобы техник почувствовал его дыхание на своей щеке.

— Вы художник, который не умеет рисовать. Всю жизнь смотрели на чужие шедевры и завидовали. Знали, что никогда не сможете так. А потом нашли чужую картину. И украли. Не потому что нужны были деньги. А потому что хотелось хоть раз прикоснуться к чему-то великому. Хоть раз почувствовать, каково это — быть гением.

Техник дёргается, его руки перестали теревить рукав, легки на стол неподвижно, тяжело. Дэн замечает это. И на его лице мимолётная, почти незаметная улыбка.

— Вы знали, что это неправильно, — сказал Дэн. — Вы знали, что вас найдут. Но вы не могли остановиться. Потому что код был красивым.

— Это всё? — Адвокат поднялся. — Мотив? Мой клиент ценит эстетику? Вы собираетесь строить обвинение на том, что ему понравились строчки?

Дэн не смотрел на него. Смотрел на техника.

— Вам не нужны деньги, — сказал он. — Вам нужен был тот, кто поймёт. Кто увидит. Кто скажет: «Да, это красиво».

Техник сглотнул. Кадык дёрнулся. Глаза заблестели.

— Я... я не хотел...

Дэн замолкает. На несколько секунд дольше, чем нужно. Техник не выдерживает, смотрит на него умоляюще. Дэн выдерживает паузу. Словно ему нравится, как техник плавится под его взглядом. Потом тихо, почти ласково:

— Вы скажете. Не потому что я попросил. А потому что иначе не сможете спать. Потому что он придёт к вам во сне. Снова. Как приходит каждую ночь. Спросит: «Почему ты не сказал?» И вы не сможете ответить.

Техник ломается.

Дэн откидывается на спинку стула. Смотрит на него — сверху вниз, с лёгкой, загадочной улыбкой. Точно он знал, что всё так и будет.

— Это провокация, — адвокат повысил голос. — У вас ничего нет. Ни улик, ни свидетелей, ни...

— Вы помните его лицо? — спросил Дэн.

Техник смотрел на него. Глаза были влажными.

— Когда он впервые пришёл, — продолжил Дэн. — Когда сказал, что ему нужна помощь. Вы помните, как он смотрел на код?

— Он... — голос техника дрогнул. — Он сказал, что хочет научиться. Что ему никто не объясняет. Что код — это... это как музыка.

— Код — это как музыка, — повторил Дэн.

— Он приходил по ночам, — техник говорил быстро, сбивчиво, как будто боялся, что его перебьют. — Спрашивал, показывал, просил объяснить. Я думал... я думал, он просто учится.

— Имя, — сказал Дэн.

— Миша, — выдохнул техник. — Его зовут Миша.

Адвокат замолчал. Сел. Посмотрел на клиента с удивлением, которого не скрыл.

Дэн не двигался. Смотрел на техника. Тот откинулся на спинку стула, закрыл лицо руками. Плечи дрожали.

— Я не хотел, — повторил он. — Я просто...

— Я знаю, — сказал Дэн.

Он встал. Не торопливо, без резких движений. Вышел из кабинета, не оборачиваясь.

Ида вышла из комнаты наблюдения. В общем зале уже собралась команда — Лена, Олег, Миша. Дэн вошёл следом за ней.

— Миша, — сказала Ида.

Он поднял голову от планшета. В его глазах не было испуга. Только удивление.

— Я?

— Техник, которого мы задержали, сказал, что вы просили его помочь с кодом. Что вы хотели научиться.

— Какой техник? Я смотрел код! — вскочил Миша. — Да, я был в архиве. Я изучал его. Но я не знал, что этот код потом использовали! Я ни с кем не говорил! Я смотрел код в архиве, я никого не просил... это ложь! Кто-то... кто-то вплепел туда то, чего я не видел. — Вы мне верите?

Ида смотрела на него. Он не врал. Или врал так хорошо, что она не могла отличить. Если его подставили, то подстава была идеальной. Если он виновен, то он гений. Вы верите мне? — спросил он.

— Я верю фактам, — ответила Ида. — А факты говорят, что ваши действия совпадают с действиями того, кто помогал красть алгоритмы.

— Или кто-то хочет, чтобы вы так думали, — тихо сказал Миша.

В зале повисла тишина.

— Продолжайте работать, — сказала Ида. — Но всё, что вы найдёте, проверяйте через меня.

Он кивнул и сел за свой терминал. Руки его дрожали.

Она не арестовала его. Слишком рано. Слишком просто. Если он виновен, она узнает. Если нет, тот, кто его подставил, сделает следующий шаг.

Когда команда разошлась, в зале снова стало тихо. Она осталась в кабинете одна.

Сняла пиджак, ослабила пучок. Волосы рассыпались по плечам и спине.

Линзы она надела не сразу. Сначала просто смотрела на доску, где застыли нити, которые не могла распутать днём, ненадолго закрыла глаза и надела.

Мир засветился.

Светодиодные панели под потолком погасли сами собой — датчик движения отключил их час назад. Только мониторы светились, высвечивая схемы, коды, карты города. Ида стояла в центре паутины.

Нити тянулись со всех сторон, из архивов, из старых дел, из файлов, которые она скопировала у Ветрова. Они обвивали пальцы, запястья, плечи, сплетались в узлы, расходились снова. Она стояла в центре, как паук, который не может выбрать, куда шагнуть.

Центр паутины, там где вчера была пустота, сегодня пустота заполнялась.

Она подошла ближе, нити дрогнули, потянулись к ней, обвили пальцы, запястья, предплечья.

В центре появилось лицо. Нечёткое, размытое, как отражение в мутной воде. Но узнаваемое, человек, которого она видела сегодня. Ветров.

Нить от него тянулась к отцу. От отца к сестре. От сестры к пустоте, от пустоты к кому-то, кто стоял за всем. Кто не оставлял следов. Кто ждал.

Ида смотрела на это лицо и чувствовала, как внутри, там, где двадцать лет было только пусто, что-то шевелится.

Он знал, он всегда знал и ждал её. Но ждал, чтобы помочь? Или чтобы замести следы?

Она не слышала, как открылась дверь. Не слышала шагов. Только почувствовала.

Его руки легли на её талию, жёстко, без спроса. Пальцы сомкнулись на белой рубашке, вминая ткань в кожу.

— Дэн, — голос сорвался на шёпот. Не приказ — предупреждение.

Он не ответил. Только придвинулся ближе, сжимая хватку, пока её спина не уперлась в его грудь. Жар, идущий от него, был почти нестерпимым. Запах морозного воздуха и металла заполнил лёгкие.

— Ты смотрела на меня весь день, — сказал он. Губы у самого уха, дыхание обжигало шею.

— Я следила за работой, — она попыталась вывернуться, но его руки держали крепко.
— Отпусти.

— Ты смотрела, как я ломаю человека. И тебе это понравилось.

Она нашла что ответить, пальцы сжались в кулак.

— Ты думаешь, я не знаю? — его голос был низким, почти ленивым. — Ты хочешь, чтобы я сделал с тобой то же самое.

— Я хочу, чтобы ты убрал руки, — сказала она, и в голосе зазвенел лёд.

Он убрал, всего на секунду. Чтобы схватить её за плечи, развернуть к себе и прижать к стене. Стеклопанель паутины дрогнула, нити качнулись, освещая его спокойное, опасное лицо.

Она взяла его за воротник, притянула к себе.

— Ты играешь со мной, — сказала она.

— Играешь ты, — ответил он. — Со мной. С собой. С правдой, которую боишься принять.

Она сжала пальцы на его рубашке.

— Скажи, что ты хочешь, — прошептала она.

Он не ответил, только смотрел на неё. Ждал.

— Сегодня, — сказал он, наклоняясь так близко, что их губы почти касались, — когда ты смотрела через стекло, твой пульс был сто пятьдесят. Я чувствовал.

— Ты не можешь чувствовать пульс через стекло.

— Твой могу.

Она рванулась, но он держал её крепко. Нити паутины вокруг них мигали в такт её сердцу — сто сорок, сто сорок пять, сто пятьдесят.

— Я мог бы взломать тебя, — сказал он. — Каждую стену, каждый код, каждую мысль. Я мог бы заставить тебя сказать всё, что ты прячешь.

— Попробуй, — выдохнула она.

Он наклонился и его губы скользнули по её щеке, медленно, почти невесомо, от уха до ключицы. Она не дышала.

— Я не буду, — сказал он. — Потому что ты скажешь сама.

Он отпустил её запястье. Она не двинулась. Стояла, прижатая к стене его телом, его дыханием, его запахом.

— Скажи, — он провёл пальцем по её щеке. Там, где кожа горела. — Чего ты боялась сегодня?

— Я не боялась.

— Врёшь.

Она посмотрела ему в глаза. Сто пятьдесят пять.

— Я боялась, — сказала она. — Видя что ты можешь сделать с человеком. Что ты можешь сделать со мной.

— Что ещё?

Она молчала. Он ждал. Нити паутины больше не мигали.

— Что ты уже сделал, — сказала она.

Его пальцы легли на её шею и прежде легкое прикосновение вдруг стало давить, вызывая едва уловимую боль, от которой по коже пробежал холодок.

Он склонил голову, и в свете паутины его глаза будто тоже светились.

Он улыбнулся одними уголками губ.

— Ты готова, — сказал он. — Ты просто боишься себе признаться.

Она подняла руку, повинувшись внезапному порыву, для того чтобы коснуться. Пальцы легли на его щеку, на шрам, который прятался за щетиной.

— Кто ты? — спросила она.

— Твой враг, — ответил он. — Или твоё спасение.

Он наклонился и едва уловимо поцеловал её в уголок губ. Лёгкое касание, но оно действовало как удар: её мир дрогнул, пошёл трещинами. Она успела лишь судорожно выдохнуть.

Он отстранился, глядя на неё сверху вниз. Она ещё чувствовала его дыхание.

— Скажи, что хочешь, чтобы я ушёл, — сказал он.

Она молчала.

— Скажи, — повторил он. — И я уйду.

Она подняла глаза и, встретив его взгляд, выдохнула почти шёпотом:

— Не уходи.

Он прижал её к стене. Жёстко, властно, так, что стекло дрогнуло, а нити паутин натянулись. Его губы встретились с её, не спрашивая и не сомневаясь. Она ответила, укусив его нижнюю губу, почувствов металлический привкус. Он тихо, гортанно зарычал в ответ, ещё сильнее прижимая её к стене.

Её руки скользнули по его плечам, вцепились в воротник рубашки. Он не отпускал, не отстранялся. Только когда она начала задыхаться, он оторвался от её губ.

— Ида, — выдохнул он.

Она смотрела на его рот, на кровь, выступившую на разбитой губе, на его глаза, которые стали почти чёрными.

— Теперь ты знаешь, — сказала она.

— Что?

— Что я не боюсь укусить.

Он хрипло усмехнулся.

— Знаю.

Он вновь прильнул к её губам, на этот раз поцелуй вышел неторопливым, проникновенным, исполненным чувственности. Его пальцы скользили по её шее, талии, спине. В каждом месте, где касалась его рука, кожу опаляло жарким пламенем.

Он медленно отступил, не разомкнув рук, всё так же крепко сжимая её ладони, пока расстояние между ними не сделалось непреодолимым. Ида осталась у стены: дыхание сбилось, а в висках гулко отдавался пульс, будто пытаешься вырваться наружу.

— Не сейчас, — сказал он. — Не так. Ты должна знать, кто я. Прежде чем...

Он не договорил. Губы замерли на полуслове, а тело само подалось назад.

— Когда ты будешь готова, — сказал он. — Я здесь.

Она неотрывно следила за ним, пока он шёл к двери.

— Дэн, — окликнула она.

Он остановился, но не обернулся.

— Что ты ищешь?

— То же, что и ты, — ответил он. — Правду.

Дверь закрылась и она осталась одна.

В тёмном экране монитора она увидела себя. Не ту, которую знали все. Другую. С распущенными волосами, со следами его губ на шее, с глазами, которые впервые за двадцать лет не сканировали, не контролировали, не боялись.

Паутина вокруг неё мигала, нити сходились, расходились, сплетались в узлы. Она подняла руку, пальцы дрожали. Дыхание сбилось.

Она обернулась к голографической доске.

Среди светящихся лиц, среди фотографий жертв, среди строк кода, которые она пересматривала сотни раз, что-то изменилось. Одна нить, та, что вела от Ветрова к отцу, от отца к сестре, вела к имени, которое она нашла в записях отца. Алексей Корсаков.

Она поднесла руку ближе. Нить дрогнула. И в её глубине, на самом дне, там, где не было света, что-то блеснуло. Метка. Та самая, которую она искала двадцать лет.

«ТОК».

Глава 8

Она не помнила, когда закрыла глаза.

Мониторы давно погасли, перейдя в режим ожидания. За окном ещё царила предрассветная тишина, ни огней, ни движения. Лишь серая пелена рассвета, которая не столько рассеивала тьму, сколько подчёркивала её глубину. Ида сидела в своём кресле, крепко прижав ладони к столешнице, и смотрела в одну точку, будто пытаясь удержать ускользающие обрывки памяти.

В отражении тёмного экрана она увидела себя: бледное лицо, тени под глазами, растрёпанные волосы. Она не помнила, когда распустила их, как не помнила, когда сняла пиджак и как оказалась здесь, в этом кресле, в этой гнетущей тишине.

В памяти осталось лишь одно: его губы и металлический привкус крови на языке. Жесткость и отчаянная решимость в том поцелуе. И тот миг, когда он отстранился, а она, не в силах сдержаться порыв, прошептала: «Не уходи».

Ида осторожно провела пальцем по уголку губ. Кожа всё ещё горела или это было воспоминание, ожившее с новой силой?

Резко поднявшись, она подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Город внизу словно замер, он то ли спал, то ли только притворялся спящим. Ей так хотелось последовать его примеру: притвориться, что ничего не было, не чувствовать, не помнить, не знать.

Но она знала.

Папка с делом «Воронов» лежала на столе, там, где она её оставила вчера. В ней были все улики, отчёты, нити, которые вели к Сергею Лёдову, её отцу. Слишком чистые и прямые. Слишком удобные.

Она вернулась к столу и перечитала всё ещё несколько раз.

Каждая деталь чётко на своём месте, доказательства неопровержимы. Следы, которые должны были быть скрыты, выложены как на ладони. Кто-то хотел, чтобы она поверила. Кто-то хотел, чтобы она перестала искать.

— Кому это выгодно?

Она зашла в систему под своим логином в шесть утра.

Мониторы ожили, заливая кабинет холодным синим светом. Ида ввела пароль, открыла журнал доступа, пальцы так и замерли над клавиатурой.

Вот её логин и время, вчера, четырнадцать ноль-три. Вот файлы, которые она якобы открывала. Дело «Алхимик» — кража алгоритмов, которое они закрыли с Дэном. Данные, которые она, по версии системы, копировала. Схемы, которые она, по версии системы, передавала.

Ида сидела не двигаясь, и не верила своим глазам.

Вчера в четырнадцать ноль-три она была на допросе. С техником, который помогал подделывать логи. В кабинете за стеклом, вместе с Леной и Олегом. Дэн проводил допрос. Камеры фиксировали каждую минуту их присутствия.

А кто-то в это время был здесь в её кабинете, под её логином. Кто-то, кто знал её пароль и мог подставить её так же легко, как Мишу.

Она подняла глаза. Кабинет Миши был пуст и она не знала, где он был вчера в четырнадцать ноль-три. Никто не знал.

Откинувшись на спинку кресла, Ида закрыла глаза.

Старые методы не работали. Система, которой она доверяла двадцать лет, теперь работала против неё. Каждый файл, каждая улика, каждая нить — всё могло быть ловушкой. И она не знала, где правда.

— Ида?

Она открыла глаза. Дэн стоял в дверях в чёрной рубашке, с закатанными рукавами. На его губе была маленькая ранка. След её зубов.

— Ты здесь, — сказал он.

— Я всегда здесь.

Он вошёл, закрыв за собой дверь и сел напротив и пристально смотрел.

— Моим логином пользовались, — сказала она. — Вчера. Пока я была на допросе по делу «Алхимик».

Он не удивился, только кивнул.

— Миша?

— Не знаю, — ответила она. — Система говорит, что это я. Система говорит, что Миша — преступник. Система говорит...

Она замолчала, сжав пальцы в кулак.

— Система врёт, — сказал Дэн.

— Я не знаю, чему верить.

— Мне, — сказал он. — Ты можешь верить мне.

Она встретила его взгляд, и не увидела в нём игры или той его манящей ленивой усмешки. Только правда, которую она боялась принять.

— Кто это сделал?

— Тот, кто хочет, чтобы мы думали, что это Миша, — ответил он, приподняв бровь. — Или тот, кто хочет, чтобы мы думали, что это ты.

— Если это не Миша, и не ты, и не я — то кто?

Он долго молчал, прежде чем ответить.

— Есть только один способ узнать, нужно выйти за пределы системы.

— Что значит за пределы?

— Без отдела, без протоколов, без следов. Только ты и я.

Она смотрела на него и пульс подниматься, сто сорок ударов в минуту.

— Ты предлагаешь мне нарушить закон.

— Я предлагаю тебе найти правду, — ответил он. — До того, как система уничтожит всё, что ты строила.

— Хорошо, — сказала она, после непродолжительного раздумья. — Когда?

— Сегодня, — ответил Дэн. — Ночью.

Ида сидела в зале с командой, перебирая улики, проверяя отчёты, усиленно делая вид, что работает. День тянулся бесконечно. Миша нервничал ещё больше, чем обычно. Лена была тише, чем всегда. Олег Иванович не поднимал головы от ноутбука.

— Ида Сергеевна, — Миша подошёл к её столу, протянул планшет. — Я нашёл кое-что по делу «Фантом». Здесь есть аномалия, которая...

— Оставьте на столе, — перебила она. — Я посмотрю позже.

Он кивнул и отошёл. Ида смотрела ему вслед. Он был идеальной мишенью. Нервный, скрытный, слишком умный для своей роли. Или слишком глупый? Она не могла понять.

Дэн сидел в другом конце зала, работал над «Фантомом». Она чувствовала его присутствие каждой клеткой. Он не смотрел на неё, но она знала: он тоже ждёт.

В полдень Дэн поднялся, подошёл к главной доске.

— По делу «Фантом», — сказал он, обращаясь ко всем. — Я нашёл точку входа.

Лена подняла голову. Олег Иванович оторвался от ноутбука. Миша замер с планшетом в руках.

— Код использовал уязвимость в системе идентификации, — продолжил Дэн. — Старую, ещё до введения нейро-протоколов. Взломщик знал систему изнутри.

— Кто-то из сотрудников? — спросила Лена.

— Или тот, кто имел доступ к документации, — ответил Дэн. — Я проверил логи. Там три аномальных входа. Все с одного терминала. В отделе кибербезопасности.

— Терминал общего доступа, — сказал Олег, не поднимая головы. — Туда может зайти кто угодно.

— Может, — согласился Дэн. — Но не каждый знает, как обойти защиту.

Он вывел на экран схему. Нити потянулись от серверов банка к терминалу, от терминала к учётной записи. Ида смотрела на экран и чувствовала, как внутри нарастает холод.

— Это подделка, — сказала она.

Все повернулись к ней.

— След слишком чистый, — продолжила она. — Так же, как в деле «Алхимик». Кто-то хочет, чтобы мы нашли этот путь.

— Или кто-то хочет, чтобы мы думали, что это ловушка, — тихо сказал Миша.

В зале повисла тишина.

— Проверьте реальные переводы, — сказала Ида. — Найдите, куда ушли деньги. Не по логам — по цепочке транзакций. Живой код, а не поддельный след.

Лена кивнула. Олег Иванович уже стучал по клавишам. Миша смотрел на Иду с выражением, которое она не могла прочесть.

— Я займусь, — сказал он.

Они работали три часа.

Ида следила за мониторами, перебирала данные, ждала. Лена проверяла банковские переводы, Олег анализировал алгоритмы, Миша гонял цепочки транзакций. Дэн стоял у доски, перестраивая схему.

— Нашёл, — Миша подошёл к её столу с планшетом. На экране — цепочка транзакций, уходящая в подставные компании, в офшоры, в пустоту.

— Деньги ушли на счета, зарегистрированные на одно юрлицо. Фирма-однодневка. Зарегистрирована месяц назад.

— Кто владелец?

— Подставное лицо, — ответил Миша. — Но я нашёл связь. Документы оформлял нотариус, который работает с корпорацией «Нейро-Интеграция».

Ида замерла.

«Нейро-Интеграция». Название, которое она не произносила двадцать лет. Лаборатория, где работал отец. Где сестра перестала быть собой. Корпорацию закрыли. Или она просто сменила имя?

— Проверьте, — сказала она, возвращая голосу холод. — Все связи. Всех, кто работал на эту корпорацию.

Миша кивнул. Но прежде чем вернуться к своему терминалу, он открыл на планшете другой файл.

— И ещё, Ида Сергеевна. Я проверил логи, как вы сказали. Не поддельные — реальные. Деньги прошли через три подставных счёта и осели в одном месте.

Он развернул экран. Схема была чистой, чёткой, без лишних завихрений. В центре — название фонда, зарегистрированного в той же корпорации.

— Это дело можно закрывать, — сказал Миша. — Заказчик установлен, деньги найдены. Взломщик — наёмник из бывших сотрудников, который работал по контракту с этой фирмой.

Ида смотрела на схему. Чистая работа. Чёткие выводы. Команда справилась. Ещё одно преступление раскрыто, ещё одна нить закреплена.

Но главное — в этой паутине не было Миши. Только заказчик, наёмник, деньги. И корпорация, которая должна была исчезнуть двадцать лет назад.

— Хорошая работа, — сказала она. — Готовьте отчёт.

Миша кивнул и отошёл, Лена уже набирала текст, Олег проверял цифры. Дэн смотрел на Иду, она чувствовала его взгляд.

Она знала: дело «Фантом» было чистым и это дело помогло команде выиграть время. Но главная охота только начиналась.

И в этой охоте не было места отчётам и протоколам.

К пяти вечера все стали расходиться. Лена ушла первой.

Миша убрал в ящик фотографию отца, его пальцы дрожали.

Она хотела подойти, спросить, что случилось. Но начальник отдела уже звал её. Она кивнула ему и пошла на совещание.

Это был последний раз, когда она видела Мишу свободным.

Миша пошёл к выходу, но остановился в дверях. Обернулся.

— Вы знали? — спросил он. — Что это не я?

Ида молчала.

— Я знал, что вы ищете правду, — сказал он. — Поэтому и пошёл к вам. Думал, если кто и сможет её найти, то только вы.

Он усмехнулся. Горько, без надежды.

— Мой отец тоже так думал. Про ваш код. Про вашего отца. Про правду, которую они похоронили.

— Что ты знаешь об отце? — спросила Ида.

Миша смотрел на неё. В его глазах не было страха. Только усталость.

— Что он был не один. И что тот, кто с ним работал, до сих пор здесь.

— Я не делал этого, — сказал он чуть позже.

Она ответила не сразу. Если он невиновен, его подставили. Если виновен — она должна была это увидеть раньше.

— Я знаю, — сказала она. — Я разберусь.

Он кивнул, поправил воротник и вышел в коридор. Она смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри нарастает холод.

Приказ об аресте уже подписан. Она знала. Он знал. Они оба знали, что это был последний раз, когда он уходил свободным.

Она смотрела на закрытую дверь. Он что-то об её отце. О том, «кто с ним работал». И она не спросила.

Пальцы сжались в кулак. Она найдёт. Сама.

Олег задержался у своего терминала и Ида мельком взглянула на него. Он сидел, уткнувшись в ноутбук и опустив руки под стол. Прячет. Она не забыла татуировку. 1703. Номер дела, которое она искала. Он был там. Он что-то знает.

— Олег Иванович, — сказала она.

Он поднял голову.

— Вы знали моего отца?

Пауза. Слишком долгая.

— Знал, — ответил он. — Когда-то.

Она хотела спросить больше, но он уже снова уткнулся в экран.

Ида и Дэн встретились в полночь у входа в архив лаборатории. Она нашла это место в старых записях отца, туда свозили все данные о нейро-экспериментах. Архив закрылся вместе с лабораторией двадцать лет назад.

Здание напоминало старую библиотеку: высокие окна, колонны, когда-то мраморные полы, теперь выщербленные временем. Внутри было тихо и пыльно. Стеллажи с коробками уходили вверх, к потолку, теряясь в темноте.

Дэн подошёл к сканеру и приложил ладонь. Дверь не открылась. Он нахмурился, достал планшет, что-то проверил.

— Система не обновлялась как минимум двадцать лет, — сказал он. — Алгоритмы защиты те же, что мы используем в учебных базах.

Они шли по коридору в тишине, пока не вышли на большой зал, заставленный серверами. В центре установлена голографическая панель, на которую когда-то проецировались данные.

Ида надела линзы.

Нити сплетались в сеть, которая уходила вглубь, туда, где хранилась правда. Или ложь. Или то, что кто-то хотел, чтобы она увидела.

Она подошла к панели.

— Что ты видишь? — спросил Дэн.

— Сеть, — ответила она. — Там, где должен быть след — пустота.

Она поднесла руку ближе. Нити сходились в одну точку, туда, где когда-то был центр. Теперь там было пусто.

Она подошла к панели. Провела пальцем по голографической поверхности. Система ожила, высветила лог доступа.

— Он знал, что мы придём, — сказала она. — Ждал? Или наблюдал.

Она повернулась к нему, его лицо не выражало никаких эмоций, но взгляд буквально излучал опасность.

— Мы не охотники, — сказала она. — Мы приманка.

Обратно они ехали молча, Ида сидела на пассажирском сиденье, смотрела в окно. Дэн вёл машину, не задавая вопросов.

— Ты думаешь, он знает, кто мы? — спросила она.

— Он знает, кто ты, — ответил Дэн. — Он ждал тебя.

— Откуда он может меня знать?

— Оттуда, где всё начиналось. Где твой отец создал код. Где сестра перестала быть собой.

— Ты знал моего отца? — спросила она.

— Я видел код, — ответил он. — Код рассказывает о человеке больше, чем годы допросов.

— И что он рассказал тебе?

— Что он одинок, — сказал Дэн. — Что он ищет того, кто увидит и скажет: «Да, это гениально».

— Как ты с техником, — сказала она. — Ты сказал ему то, что он хотел услышать. И он сломался.

— Я сказал ему правду.

— Правду?

— Код был красивым, — ответил Дэн. — Он хотел, чтобы кто-то это увидел. Я увидел.

— И что ты видишь сейчас?

Он не ответил. Только окинул её быстрым острым взглядом.

— Тебя.

Они вернулись в отдел в три часа ночи.

В зале было тихо, Дэн сел напротив Иды, поставил на стол две чашки кофе.

— Ты не спишь, — сказала она.

— Ты тоже.

Кофе был горячим и крепким.

— Дэн, — сказала она.

— Да?

— Если мы не найдём его... что тогда?

Дэн потер переносицу, прикрыв глаза и лениво ответил.

— Найдём.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он хочет, чтобы мы его нашли, — ответил Дэн. — И потому что ты не умеешь проигрывать.

Она смотрела на него. На его руки, сжимающие чашку. На шрамы на предплечьях. На губу, которую она разбила.

— Откуда ты знаешь меня? — спросила она.

— Я изучал тебя, — ответил он. — До того, как пришёл. Я знаю каждое дело, каждую улику, каждую ночь, когда ты не спала.

— Зачем?

Она подошла к окну, оставив чашку на столе.

— Ида, — сказал он за спиной.

Она не обернулась, а он подошёл ближе — так близко, что она явственно ощущала тепло его тела, будто невидимая волна, окутывающая её со спины.

— Я рядом, — сказал он.

— Я устала, — сказала она. — Двадцать лет. Я устала.

Она не знала, кто сделал первый шаг, возможно, они двинулись одновременно, ведомые одним порывом. Его руки мягко легли на её талию, её ладони на его плечи. Он резко притянул её к себе, а она, закрыв глаза, уткнулась лбом в его грудь, вдыхая знакомый запах и чувствуя, как успокаивается бешеный ритм сердца.

— Дэн, — прошептала она.

— Я здесь, — повторил он.

Она закрыла глаза, погружаясь в ощущения. Его тёплое и ровное дыхание едва касалось кожи. Его руки обнимали её но не сжимали, не требовали ответа. И от этой сдержанности внутри всё сжималось ещё сильнее.

— Мы найдём его, — сказала она.

— Найдём, — ответил он.

— И что тогда?

— Тогда, — он провёл пальцами по её волосам, — будет новая жизнь.

Она подняла голову. Встретила его взгляд. Сто пятьдесят пять ударов в минуту.

— Обещаешь? — спросила она и опустила голову ему на плечо. Он прижал её ещё крепче. Кофе остывал на столе. Мониторы гасли один за другим, переходя в режим ожидания.

Когда она открыла глаза, уже наступило утро.

Солнце светило в окно, заливая кабинет золотым светом. Она сидела в кресле, укрытая его пиджаком. Дэн спал рядом, положив голову на сложенные руки. Его дыхание было ровным и спокойным. Она протянула руку. Остановилась в миллиметре от его щеки.

— Кто ты? — прошептала она.

Он не ответил. Только улыбнулся во сне. Или ей показалось?

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.